

**ПОВЕЛИТЕЛИ
ДРАКОНОВ**

**ПОСЛЕДНЯЯ
ЦИТАДЕЛЬ**

ЧУДОТВОРЦЫ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

**Повелители драконов. Последняя
цитадель. Чудотворцы**

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Повелители драконов. Последняя цитадель. Чудотворцы /
Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503971-2

В одном томе — три новеллы Джека Вэнса, принадлежащие к числу его лучших произведений, демонстрирующие стилистическое мастерство, остроумие и умение полностью завладеть вниманием читателя. Джоаз Банбек выставляет армию драконов против протопластов, высадившихся на планете Аэрлит. Ксантен из цитадели Хейгдорн борется с меками, чей мятеж угрожает Земле далекого будущего. Ученику чародея, Сэму Салазару, приходится превзойти наставников, чтобы спасти остатки человеческой расы на планете Пангборн.

ISBN 978-5-00-503971-2

© Вэнс Д.
© Издательские решения

Содержание

ПОВЕЛИТЕЛИ ДРАКОНОВ	6
I	6
II	10
III	15
IV	19
V	24
VI	29
VII	37
VIII	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Повелители драконов. Последняя цитадель. Чудотворцы

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3971-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОВЕЛИТЕЛИ ДРАКОНОВ

I

Апартаменты Джоаза Банбека, вырубленные в недрах известнякового утеса, состояли из пяти основных анфилад на пяти различных уровнях. Наверху находились реликварий и совещательная палата: первый – мрачноватое величественное помещение, где хранились различные архивы, трофеи и сувениры Банбеков, вторая – длинный узкий зал с темной обшивкой стен выше пояса, под белым оштукатуренным сводчатым потолком. Палата тянулась вдоль всего фронтона утеса – с одного ее торца балкон был обращен к долине Банбеков, с другого – к Теснине Кергана.

Ниже были устроены частные покои Джоаза Банбека: гостиная и спальня; еще ниже – кабинет, а в самом низу – мастерская, куда мог заходить только сам Джоаз.

Пройти в апартаменты можно было через кабинет – просторную Г-образную комнату со сложным рельефом крестового свода и подвешенными под ним четырьмя люстрами, усыпанными гранатовыми кристаллами. Сейчас люстры не горели; кабинет тускло озарялся лишь водянисто-серым светом, проникавшим сквозь четыре оконные панели лощеного стекла, отражавшие на манер камеры-обскуры виды на долину Банбеков. Стены выложили одеревеневшим тростником; на полу лежал ковер с каштановыми, бурными и черными узорами из углов, квадратов и кругов.

Посреди кабинета стоял голый человек; единственным покровом – не считая золотого ошейника – ему служили длинные тонкие коричневые волосы, спускавшиеся на спину. У него были угловатые, даже заостренные черты лица и тощее тело; судя по всему, он к чему-то прислушивался – а может быть, просто сосредоточенно размышлял. Время от времени он поглядывал на желтый мраморный глобус, стоявший на полке напротив; при этом губы его шевелились, будто он старался запомнить какую-то фразу или последовательность идей.

В дальнем конце кабинета приоткрылась массивная дверь. Заглянуло шаловливое, румяное лицо молодой женщины. Увидев обнаженного мужчину, она беззвучно ахнула, прикрыв ладонями рот. Голый человек обернулся, но дверь уже закрылась.

Несколько секунд он стоял, нахмурившись и глубоко задумавшись, затем подошел к стене с внутренней стороны Г-образного кабинета. Потянув на себя секцию стеллажа, он прошел в открывшийся проем. Стеллаж с глухим стуком закрылся у него за спиной. Спустившись по винтовой лестнице, он оказался в комнате с неровными, вырубленными в скале стенами – в частной мастерской Джоаза Банбека. На верстаке лежали инструменты, металлические детали, батарея электродвижущих элементов, компоненты электрических схем – то, что вызвало в данный момент любопытство Джоаза Банбека.

Голый человек взглянул на верстак, приподнял одно из устройств, рассмотрел его с выражением, напоминавшим легкое презрение – хотя глаза у него были при этом ясные, удивленные, как у ребенка.

Из кабинета в мастерскую донеслись приглушенные голоса. Голый человек поднял голову, прислушался, затем пригнулся, залез под верстак, поднял каменный блок и соскользнул в темную пустоту. Установив камень на прежнем месте, он поднял светящуюся стеклянную палочку и направился вниз по узкому туннелю, вскоре соединившемуся с естественной пещерой. Трубки, выступавшие из стен через неравные промежутки, испускали бледный свет, едва достаточный, чтобы разглядеть что-нибудь в сумраке. Голый человек быстро побежал трусцой – шелковистые длинные волосы нимбом развевались у него за спиной.

Тем временем менестрельша Фейда и пожилой сенешаль ругались в кабинете. «Правда, я его видела! – настаивала Фейда. – Своими глазами! Святошу – он стоял вот здесь, вот так – говорю тебе!» Она раздраженно схватила старика за локоть: «Думаешь, я спятила? Или что у меня истерика?»

Сенешаль Райф пожал плечами, не желая брать на себя ответственность за какой-либо вывод: «Теперь его не видно». Он поднялся по лестнице, заглянул в спальный покой: «Пусто. Двери наверху закрыты на засов, – он недовольно уставился на Фейду. – А я сидел на посту у входа».

«Ты спал у входа. Храпел – даже когда я проходила мимо!»

«Ошибаешься. Я просто прокашлялся».

«С закрытыми глазами, откинув голову на спинку кресла?»

Райф снова пожал плечами: «Спал я или не спал, какая разница? Допустим, это существо сюда проникло – как оно ушло? После того, как ты меня позвала, я не спал – с этим ты не станешь спорить?»

«Тогда будь настороже, а я пойду найду Джоаза Банбека!» Фейда бегом спустилась по проходу, выходящему на Птичий Променад – лоджию, украшенную инкрустированными в мраморе фантастическими птицами из лазурита, золота, киновари, малахита и лучистого колчедана. По арочной галерее, окаймленной витыми колонками из зеленого и серого нефрита, она выбежала в Теснину Кергана, на главную дорогу Вотчины Банбеков. Достигнув портала, она окликнула пару подростков, работавших в поле: «Сбегайте в питомник, найдите Джоаза Банбека! Скорее приведите его, мне нужно срочно с ним поговорить».

Мальчишки побежали к низкому цилиндрическому сооружению из черного кирпича в полутора километрах на севере.

Фейда ждала. Скина – местное солнце – поднималась к зениту, дул теплый ветерок; от полей, поросших викой, бельгардом и сфарганом, исходил приятный аромат. Теперь менестрельша уже сомневалась – не только в важности, но даже в реальности того, что видела. «Нет! – она яростно сжала кулаки. – Я его видела! Видела!»

Справа и слева громоздились высокие белые утесы, сходящиеся к Пределу Банбеков; дальше поперек темноватого неба, усеянного перистыми облаками, виднелись нагромождения скал и горные хребты. В небе пылало маленькое слепящее зернышко Скины.

Фейда вздохнула, наполовину уверенная в том, что ее обмануло зрение. Ей пришлось снова решительно заверить себя в невозможности такой галлюцинации. Никогда в жизни она не видела святошу! Почему бы она вообразила его сегодня?

Добежав до питомника, мальчишки скрылись в пыли тренировочных загонов. Там перемигивались отблески чешуи – повелители драконов и оружейники в черных кожаных доспехах занимались своими делами.

Вскоре появился Джоаз Банбек. Оседлав высокого тонконового Паука, он заставил его скакать галопом; Паук с топотом понесся по тропе к Вотчине Банбеков, вскидывая голову в такт частым прыжкам.

Тем временем нерешительность Фейды возрастала. Что, если Джоаз раздраженно отмахнется от ее рассказа, уставится на нее как на сумасшедшую? Она тревожно наблюдала за его приближением. Фейда поселилась в долине Банбеков всего лишь месяц тому назад и еще не могла быть полностью уверена в своем статусе. Перцепторы прилежно готовили ее в маленькой бесплодной долине на юге, где она родилась, но расхождение между тем, чему ее учили, и практической действительностью иногда приводило ее в замешательство. Она знала, что все мужчины подчинялись одним и тем же немногочисленным правилам поведения; Джоаз Банбек, однако, не признавал таких ограничений и, с точки зрения Фейды, был совершенно непредсказуем.

Фейда понимала, что Джоаз – еще сравнительно молодой человек, хотя по внешности трудно было судить о его возрасте. У него было бледное суровое лицо с серыми глазами, блестящими, как хрусталь, и широким тонким ртом, казалось бы способным к подвижности, но редко кривившимся, обычно образуя ровную прямую линию. Джоаз двигался неторопливо, говорил бесстрастно и не претендовал на мастерское владение саблей или пистолетом. Возникало впечатление, что он изо всех сил старался не демонстрировать никаких качеств, которые вызывали бы восхищение или привязанность подданных. Тем не менее, он мог рассчитывать и на то, и на другое.

Сначала он казался Фейде холодным, но в последнее время она изменила свое мнение. Она решила, что Джоаз скучал и чувствовал себя одиноким; его спокойные шутки временами казались мрачноватыми. Но он обращался с ней любезно, и Фейда, искушавшая Джоаза множеством кокетливых ужимок, не так уж редко замечала в нем признаки желаемой реакции – по меньшей мере ей хотелось так думать.

Джоаз Банбек спрыгнул с Паука и приказал тому возвращаться в загон. Фейда робко приблизилась – Джоаз вопросительно взглянул на нее: «В связи с чем потребовался срочный вызов? Ты вспомнила, где находится девятнадцатая точка?»

Фейда смущенно покраснела. Она наивно рассказала Джоазу о мучительных строгостях ее обучения, и теперь Джоаз сослался на классификационный пункт, выпавший у нее из памяти.

Снова взволнованная, Фейда торопливо выпалила: «Я открыла дверь в твой кабинет – потихоньку, осторожно. И что я вижу? Святошу – голого, волосатого! Я закрыла дверь и побежала за Райфом. А когда мы вернулись, в кабинете никого не было!»

Джоаз слегка нахмурился, бросил взгляд на долину: «Странно!» Через пару секунд он спросил: «Ты уверена, что святоша тебя не заметил?»

«Нет. Кажется, не заметил. Но когда я вернулась со старым болваном Райфом, он пропал! Правда ли, что святоши – кудесники?»

«На этот счет ничего не могу сказать», – ответил Джоаз.

Они вернулись по Теснине Кергана, прошли по каменным туннелям и коридорам и наконец оказались в прихожей.

Райф снова дремал за столом. Джоаз подал Фейде знак держаться подальше, тихо подкрался к двери в кабинет и распахнул ее. Ноздри его расширились, он быстро взглянул по сторонам. В комнате никого не было.

Джоаз поднялся по лестнице, осмотрел спальный покой, вернулся в кабинет. Если тут обошлось, действительно, без волшебства, святоше был известен потайной ход. Учитывая это соображение, Джоаз потянул на себя секцию стеллажа, спустился в мастерскую и принялся, пытаясь уловить в воздухе сладковато-кислый запах, характерный для святош. Ему показалось, что он почуял привкус этого запаха. Может быть.

Джоаз проинспектировал мастерскую пядь за пядью, разглядывая ее со всех возможных точек зрения. Наконец он обнаружил в стене под верстаком едва заметную трещину – контур продолговатого каменного блока.

Джоаз кивнул с угрюмым удовлетворением. Выпрямившись, он вернулся в кабинет и рассмотрел полки: что могло заинтересовать святошу? Книги, папки, брошюры? Разве святоши умели читать? «При следующей встрече со святошей нужно будет об этом спросить, – сказал себе Джоаз. – По меньшей мере он скажет правду». Поразмышляв, однако, Джоаз понял, что такой вопрос казался бы смехотворным – несмотря на привычку ходить голышом, святоши вовсе не были дикарями. Именно они предоставили ему четыре визионные панели – а для их изготовления требовались нешуточные навыки технического проектирования.

Джоаз не забыл рассмотреть пожелтевший мраморный глобус – его самый драгоценный экспонат, изображавший континенты мифического Эдема. Судя по всему, глобус никто не трогал. На другой полке красовались модели драконов Банбеков: ржаво-красного Термаганта, Длиннорогого Убийцы и его кузена Длинноногого Убийцы, Синюшного Ужаса, Дьявола – приземистого, невероятно мощного, с наконечником хвоста, вооруженным шаром со стальными колючками, грузного Джаггера с полированной черепной шапочкой, белой, как яйцо. Чуть поодаль стояла модель прародителя всей группы – жемчужно-бледного прямоходящего двуногого существа с парой брахов – многофункциональных многосуставчатых конечностей посреди туловища, почти на уровне шеи. Модели отличались исключительным вниманием к деталям – но почему бы они возбудили любопытство у святоши? Для этого не было никаких причин: драконов можно было ежедневно, беспрепятственно наблюдать в натуре.

Как насчет мастерской, однако? Джоаз погладил длинный бледный подбородок. У него не было ни малейших иллюзий по поводу ценности своих технических достижений. Забавы скучающего любителя, не более того. Джоаз отверг подобное допущение. Скорее всего, святоша пришел, не руководствуясь определенной целью – возможно, это был регулярный визит. Возможно, святоши постоянно наблюдали за происходящим в апартаментах. Зачем?

В дверь громко постучали: так непочтительно мог колотить кулаком только старый Райф. Джоаз открыл ему.

«Джоаз Банбек! Извещение от Эрвиса Карколо из Счастливой долины. Он желает совещаться с тобой и ждет твоего ответа на Пределе Банбеков».

«Хорошо, – сказал Джоаз. – Я посоветуюсь с Эрвисом Карколо».

«Здесь? Или на Пределе?»

«На Пределе – через полчаса».

II

В пятнадцати километрах от долины Банбеков, за выветренной суматохой скалистых гребней, утесов, каменных пиков, пугающе глубоких расщелин, безжизненных пустошей и россыпей скатившихся с высот валунов открывалась Счастливая долина. Шириной не уступая долине Банбеков, она не достигала и половины ее длины или глубины – слой нанесенной ветрами почвы здесь был в два раза тоньше и, соответственно, уступал плодородием земле Банбеков.

Верховным советником Счастливой долины был Эрвис Карколо – плотный коротконогий субъект с неистовым выражением лица, большим сладострастным ртом и склонностью то предаваться веселью, то впадать в гнев. В отличие от Джоаза Банбека, Эрвису больше всего нравилось проводить время в загонах драконов, где он с одинаковой горячностью критиковал, поносил и оскорблял повелителей драконов, грумов и драконов как таковых.

Будучи человеком энергичным, Эрвис Карколо намеревался восстановить первенство Счастливой долины, завоеванное некогда его предками в двенадцатом поколении. В те суровые времена, когда еще не вывели драконов, люди сами воевали друг с другом, а обитатели Счастливой долины отличались особой дерзостью, ловкостью и безжалостностью. Долина Банбеков, Большая Северная Расселина, Заворотный Тупик, долина Садро, Фосфорная Ложбина – все признавали превосходство Счастливой долины.

А потом из космоса спустился корабль протопластов – или грефов, как их тогда называли. Команда звездолета истребила или захватила в плен все население Заворотного Тупика и попыталась сделать то же самое в Большой Северной Расселине, но преуспела лишь отчасти. Остальные селения протопласты бомбардировали взрывчатым градом.

Когда выжившие беглецы прибрели обратно в опустошенные жилища, о преобладании Счастливой долины не могло быть речи. Поколением позже, в эпоху Сырого Чугуна, даже память о таком первенстве стерлась. В решающей битве Джосс Карколо был захвачен в плен Керганом Банбеком и принужден оскопить себя собственным ножом.

Мирная жизнь продолжалась только пять лет – протопласты вернулись. Расправившись с населением долины Садро, команда огромного черного звездолета приземлилась в долине Банбеков, но ее обитатели, вовремя предупрежденные, бежали в горы. Вечером двадцать три протопласта выступили в поход со своими безукоризненно выдрессированными бойцами – впереди шли взводы тяжеловооруженной пехоты, за ними отряд артиллеристов, почти неотличимых от людей Аэрлита, и отряд лазутчиков: эти уже ничем не походили на людей.

Над долиной разразилась предзакатная грозовая буря, что не позволило дронам протопластов производить бомбардировку, но зато позволило Кергану Банбеку совершить изумительный подвиг, благодаря которому его имя стало легендарным на Аэрлите. Вместо того, чтобы присоединиться к испуганным до смерти беглецам, улепетывавшим к Поднебесной Толчее, он собрал шестьдесят бойцов, пристыдив их насмешками и оскорблениями.

Это было самоубийственное предприятие, вполне соответствовавшее обстоятельствам.

Выпрыгнув из засады, они изрубили в куски взвод пехотинцев, обратили в бегство других и захватили двадцать трех протопластов прежде, чем те успели опомниться. Артиллеристы оцепенели, нерешительно переминаясь с ноги на ногу и не понимая, что они могли бы предпринять – они опасались уничтожить хозяев. Пехота перегруппировалась и тупо двинулась в атаку, но остановилась, когда Керган Банбек исполнил пантомиму, безошибочно пояснившую пехотинцам, что протопласты умрут прежде, чем погибнет кто-нибудь из людей. Пехота отступила, а Керган Банбек и его бойцы, вместе с двадцатью тремя протопластами, скрылись в темноте.

Кончилась долгая аэрлитская ночь; с востока налетела рассветная гроза, пронеслась над головой и величественно удалилась на запад. Скина взошла в буйном, ослепительном зареве. Трое спустились из звездолета протопластов: артиллерист и два лазутчика. Они взобрались на утесы Предела Банбеков, а над ними порхал маленький дрон протопластов – не более чем площадка, нырявшая и метавшаяся на ветру, как плохо сбалансированный воздушный змей. Артиллерист и лазутчики карабкались в направлении Поднебесной Толчеи – района хаотичной неразберихи света и теней, расщепленных скал, обрушившихся утесов, валунов, взгромоздившихся на валуны. Там, как правило, прятались беженцы.

Остановившись на краю Толчеи, артиллерист позвал Кергана Банбека, предлагая переговоры.

Керган Банбек вышел навстречу – и началось самое странное собеседование из всех, когда-либо состоявшихся на Аэрлите. Артиллерист с трудом говорил по-человечески: его губы, язык и гортань больше были приспособлены к произношению слов на языке протопластов.

«Ты удерживаешь Почтенных. Их надлежит выдать, проявляя смирение». Артиллерист говорил трезво, с укоризной – не настаивая на поспешности, не угрожая, не приказывая. Его умственные процессы, так же как лингвистические предрасположенности, были сформированы протопластами.

Керган Банбек – высокий худощавый человек с лакированными черными бровями и черными волосами, собранными с помощью лака в гребень из пяти торчащих шипов, невесело рассмеялся: «Как насчет убитых вами людей Аэрлита? Как насчет тех, кого вы держите в трюме корабля?»

Артиллерист серьезно наклонился вперед – тоже человек впечатляющей внешности, с благородной горбоносой головой. Он был лыс – если не считать небольших редких завитков желтой шерсти. Его кожа блестела, как полированная, а уши, больше всего отличавшие его от людей Аэрлита, выглядели как маленькие хрупкие выросты. На нем была простая униформа, темно-синяя с белыми отворотами, и он не носил никакого оружия, кроме небольшого универсального излучателя. Он отозвался на вопрос Кергана Банбека спокойно, с достоинством, вызывающим к разуму тоном: «Убитые люди Аэрлита мертвы. Люди в трюме звездолета погружены в подслыжку, она нуждается в свежей крови».

Керган Банбек смерил артиллериста презрительным каменным взглядом. «В каких-то отношениях, – думал он, – этот модифицированный человек, представитель тщательно выведенной породы, напоминает святош Аэрлита – особенно светлой полупрозрачной кожей, выпуклыми чертами лица, длинными руками и ногами». Возможно, тут не обошлось без телепатии – а может быть, до Кергана просто донесся характерный сладковато-кислый запах: оглянувшись, он заметил святошу, стоявшего метрах в пятнадцати – обнаженного человека в золотом ошейнике, с длинными коричневыми волосами, развевающимися за спиной подобно вымпелу. Повинуясь древнему этикету, Керган Банбек сделал вид, что смотрит сквозь святошу – так, словно тот не существовал. Бросив быстрый взгляд на святошу, артиллерист тоже перестал его замечать.

«Я требую, чтобы команда вашего корабля освободила людей Аэрлита», – ровным, бесстрастным тоном произнес Керган.

Артиллерист с улыбкой покачал головой и приложил все возможные усилия, стараясь говорить разборчиво и связно: «Об этих людях мы не говорим...» Он прервался, подыскивая слова: «Их судьба... определена... квантована... назначена... Предопределена. О них нечего больше сказать».

Улыбка Кергана Банбека начинала напоминать циничную гримасу. Он стоял надменно и молчаливо, пока артиллерист квакал, неумело подражая человеческим интонациям. Святоша медленно приближался, делая по два-три шага и задерживаясь, потом снова продвигаясь вперед.

«Ты должен понять, – говорил артиллерист, – что существует закономерность событий. Функция таких, как я – в том, чтобы формировать события согласно этой закономерности». Он нагнулся и элегантно взмахом руки поднял небольшой угловатый камешек: «Так же, как я могу отшлифовать этот камень, чтобы он входил в круглое отверстие».

Керган Банбек протянул руку, выхватил камешек и отшвырнул его далеко за навалившиеся друг на друга валуны: «Этот камень ты никогда не сделаешь круглым».

Артиллерист с мягкой укоризной покачал головой: «Камней много, они повсюду».

«А отверстий еще больше!» – заявил Керган Банбек.

«Перейдем к делу, – сказал артиллерист. – Предлагаю сформировать ситуацию так, чтобы она соответствовала надлежащей последовательности событий».

«Что ты предлагаешь в обмен на пленных грефов?»

Плечо артиллериста беспокойно подернулось. Идеи местного жителя представлялись ему дикими, варварскими, непредсказуемыми – так же, как лакированные шипы его волос: «Если хочешь, я могу предоставить указания и советы, чтобы...»

Керган Банбек прервал его резким взмахом руки: «Я ставлю три условия». Святоша стоял теперь метрах в трех, неопределенно глядя в пространство. «Во-первых, – сказал Керган, – вы должны гарантировать, что никогда больше не нападете на людей Аэрлита. Для этого пятеро заложников-грефов всегда должны быть у нас в руках. Во-вторых – чтобы ничто не препятствовало соблюдению гарантии – вы передадите мне звездолет, оборудованный, заряженный и вооруженный. И обучите меня управлять этим звездолетом».

Артиллерист откинул голову назад; при этом он издал носом несколько бляющих гнусавых звуков.

«В-третьих, – продолжал Керган Банбек, – вы должны освободить всех мужчин и женщин, находящихся сейчас на борту вашего корабля».

Артиллерист моргнул и быстро произнес несколько хриплых слов, обращаясь к лазутчикам – судя по всему, он пошутил. Лазутчики тревожно, нетерпеливо пошевелились, искоса поглядывая на Кергана так, как если бы он был не просто дикарем, но сумасшедшим дикарем. Над головой порхал дрон; артиллерист взглянул вверх – и, по-видимому, зрелище летательного аппарата придало ему уверенности. Повернувшись к Кергану с новым, решительным выражением, он сказал – так, словно предшествовавший обмен вопросами и заявлениями не имел места: «Я пришел, чтобы приказать тебе немедленно освободить Почтенных».

Керган Банбек повторил свои условия: «Ты должен предоставить мне звездолет, вы больше никогда не будете совершать набеги на Аэрлит и освободите пленных людей. Согласен ты или нет?»

Артиллерист, казалось, находился в замешательстве: «Необычная ситуация... неопределенная... не квантуется».

«Ты что, не понимаешь?» – раздраженно рявкнул Керган. Бросив взгляд на святошу – что, вообще-то, не положено было делать – Керган совершил поступок, полностью выходящий за рамки приличий. «Святоша! – сказал он. – Что мне делать с этим болваном? Он будто меня не слышит».

Святоша подошел еще на шаг. Как прежде, лицо его ничего не выражало. Последователь учения, запрещавшего намеренно вмешиваться в дела других людей, он мог понимать любой вопрос только буквально и отвечать только конкретно, в рамках формулировки вопроса: «Он тебя слышит, но между вами нет взаимопонимания. Структура его мышления коренится в структуре мышления его хозяев. Как лучше всего с ним поступить, не могу сказать».

Керган Банбек снова обратился к артиллеристу: «Ты слышал мой вопрос? Ты понимаешь, на каких условиях я согласен освободить грефов?»

«Я хорошо тебя слышу, – отозвался артиллерист. – В твоих словах нет смысла. Это нелепости, парадоксы. Слушай внимательно. Таков предопределенный, окончательный квант раз-

вития мирового порядка: ты передашь нам Почтенных. Дать тебе звездолет или выполнить другие твои условия невозможно, потому что это противоречит предопределенной последовательности событий».

Лицо Кергана Банбека побагровело; он обернулся было к своим бойцам, но сдержал гнев и снова проговорил, медленно и отчетливо: «У меня есть нечто, что тебе нужно. У тебя есть нечто, что нужно мне. Давай меняться».

Не меньше двадцати секунд они смотрели друг другу в глаза. Затем артиллерист глубоко вздохнул: «Я объясню твоими словами, чтобы ты понял. Безусловность... неизбежность... нет, предопределенность... Существуют предопределенности. Они – единицы неизбежности, кванты безусловности и упорядоченности. Существование есть непрерывная череда этих единиц, следующих одна за другой. Функционирование всей Вселенной можно выразить в таких единицах. Непоследовательность, нелепость подобны половине человека с половиной мозга, с половиной сердца, с половиной всех жизненно важных органов. Он не может существовать. То, что ты держишь в плену Почтенных – нелепость, возмущение рациональной последовательности функционирования Вселенной».

Керган Банбек возвел руки к небу и снова обратился к святоше: «Как прекратить эту бессмысленную болтовню? Как заставить его понять, о чем идет речь?»

Святоша задумался: «То, что он говорит – не бессмысленная болтовня. Просто он говорит на языке, которого ты не понимаешь. Ты можешь заставить его понять свой язык, если сотрешь из его ума все знания, всё, чему его учили – и заменишь его мыслительные процессы своими».

Керган Банбек боролся с ошеломляющим ощущением тщетности и нереальности происходящего. Чтобы получить точный ответ от святоши, нужно было точно сформулировать вопрос – удивительно, что святоша вообще присутствовал и соглашался отвечать. Тщательно выбирая слова, Керган спросил: «Как, по-твоему, следует поступить с этим человеком?»

«Освободи пленных грефов». Святоша прикоснулся к двум передним выпуклостям своего золотого ошейника: ритуальный жест, означавший, что вопреки своей воле он совершил поступок, который, возможно, приведет к изменению будущего. Снова прикоснувшись к ошейнику, он нараспев произнес: «Освободи пленных грефов – тогда он уйдет».

Не в силах уже сдерживать гнев, Керган Банбек спросил: «Кому ты служишь? Людям или грефам? Давай-ка, скажи правду! Говори!»

«Моя вера, мое кредо, истина моего танда таковы: я не служу никому, кроме себя». С этими словами святоша повернулся лицом к огромному утесу горы Гефрон и медленно удалился; ветер развевал его длинные тонкие волосы и сносил их в сторону.

Керган Банбек посмотрел ему вслед и с холодной решительностью обратился к артиллеристу: «Ты высказал любопытные замечания по поводу неизбежности и нелепости. Думаю, в данном случае ты перепутал нелепость с неизбежностью. Неизбежность, с моей точки зрения, заключается в следующем: я не освобожу грефов, если ты не выполнишь мои условия. А если вы снова нападете на нас, я разрублю каждого пленного грефа пополам, чтобы воплотить в жизнь и продемонстрировать, в чем заключается твоя ошибка – может быть, это убедит тебя в возможности нелепостей. Больше мне нечего сказать».

Артиллерист медленно, с сожалением покачал головой: «Послушай, я объясню. Некоторые условия невыполнимы, они не квантованы, не согласуются с предопределенностью...»

«Ступай прочь! – прогремел Керган Банбек. – Или ты разделишь судьбу своих двадцати трех грефов и поймешь наконец, насколько действительным может оказаться невыполнимое!»

Артиллерист и два лазутчика, квакая и бормоча на своем языке, повернулись и спустились с высот Толчеи на Предел Банбеков, а оттуда – в долину. Над ними нырял, метался из стороны в сторону, трепетал дрон, опускавшийся к звездолету, как падающий осенний лист.

Наблюдая за происходящим из укрытий за скалами, жители долины Банбеков вскоре засвидетельствовали достопримечательную сцену. Через полчаса после того, как артиллерист вернулся в космический корабль, он снова выпрыгнул из него, пританцовывая и подпрыгивая. За ним последовали другие – артиллеристы, лазутчики, пехотинцы и восемь грэфов: все они дергались, прыгали, бегали кругами, пошатываясь и спотыкаясь. В иллюминаторах звездолета мигали разноцветные огни – оттуда слышался лязгающий стон ломающихся механизмов, становившийся все громче.

«Они спятили!» – пробормотал Керган. Поколебавшись секунду, он отдал приказ: «Зовите всех – нужно атаковать, пока они беспомощны!»

Жители долины Банбеков бросились вниз с Поднебесной Толчеи. Пока они спускались с утесов, из звездолета опасно вылезли несколько пленных мужчин и женщин из долины Садро; не встречая сопротивления, они побежали по полям Банбеков, как можно дальше от корабля. За ними последовали другие – к тому времени бойцы Банбека уже спустились в долину.

Рядом с кораблем безумие поутихло; инопланетяне сидели, сгорбившись, вокруг звездолета. Внезапно раздался оглушительный, ослепительный взрыв: на мгновение вся долина заполнилась заревом желтовато-белой вспышки. Звездолет испарился. На его месте в грунте образовалась огромная воронка, а на головы уже собиравшихся напасть бойцов Банбека посыпались куски металла.

Керган Банбек изумленно смотрел на последствия взрыва. Медленно, опустив плечи, он созвал своих людей и повел их обратно в опустевшую долину. За ними, связанные веревками, вереницей брели двадцать три грэфа – их глаза потускнели, они покорились судьбе, уже не помышляя о былом существовании. Такова была природа неизбежности – или того, что люди называют судьбой: сложившиеся обстоятельства были просто неприменимы в отношении двадцати трех Почтенных. Механизм Вселенной поэтому необходимо было откорректировать так, чтобы продолжалась надлежащая последовательность событий. Значит, двадцать три пленника должны были быть не Почтенными, а кем-то другим, другими существами. А если это было так, кем они были? Тихонько квакая, протопласты задавали друг другу этот вопрос снова и снова, пока их вели вниз с утесов в долину Банбеков.

III

На протяжении долгих лет – а на Аэрлите годы были долгими – судьбы Счастливой долины и долины Банбеков менялись в зависимости от способностей противостоявших друг другу Карколо и Банбеков. Золот Банбек, дед Джоаза, вынужден был освободить Счастливую долину от обязательств подзащитного вассала, когда Аттерн Карколо, мастерски владевший искусством выращивания драконов, сумел получить первых Дьяволов. Золот Банбек, в свою очередь, разработал Джаггеров, но позволил продолжаться напряженному перемирию.

Прошли годы; Ильден Банбек, сын Золота, слабохарактерный неудачник, погиб при падении с норовистого Паука. Когда Джоаз был еще хилым ребенком, Грод Карколо решил попытаться счастья и напал на долину Банбеков. Он не учел достоинства противника, Хенделя Банбека, брата деда Джоаза и главного повелителя драконов. Силы Счастливой долины были разбиты на Звездопадном Склоне, Грод Карколо погиб, а молодого Эрвиса боднул Убийца. По нескольким причинам, в том числе ввиду старости Хенделя и юности Джоаза, армия Банбеков не смогла решительно использовать добытое преимущество. Несмотря на потерю крови и боль, Эрвис Карколо отступил более или менее упорядоченным маршем, после чего между соседними долинами установилось перемирие, полное взаимных подозрений.

Джоаз вырос и стал угрюмым молодым человеком; даже если он не возбуждал в своем племени восторженной приверженности, по меньшей мере он не вызывал явного возмущения. Он и Эрвис Карколо в равной степени презирали друг друга. Когда при нем упоминали о мастерской Джоаза, о его книгах, манускриптах, моделях и схемах, о его сложно устроенной системе наблюдения за долиной Банбеков (ходили слухи, что оптические компоненты этой системы ему предоставили святоши), Карколо с отвращением возводил руки к небу: «Образование? Вот еще! Какая польза в том, чтобы валяться в простывшей блевотине прошлого? К чему это может привести? Ему нужно было родиться святошей! Он – такой же, как они – унылый слабак, витающий мыслями в облаках!»

Странник Дэй Альвонсо, сочетавший в себе таланты менестреля, скупщика детей, психиатра и костоправа, рассказал Джоазу о монологах Эрвиса. Тот пожал плечами: «Эрвису Карколо следовало родиться одним из его Джаггеров. Из него получилось бы непробиваемое по своей тупости бронированное животное».

Об этом замечании не замедлили сообщить Эрвису Карколо, причем так уж случилось, что Джоаз наступил на любимую мозоль Карколо. Эрвис тайком пытался применять новаторские методы селекции – он хотел вывести дракона, массивностью не уступавшего Джаггеру, но отличавшегося проворством и безжалостной сообразительностью Синюшного Ужаса. Подход Эрвиса Карколо, однако, был интуитивным и чрезмерно оптимистическим – он игнорировал рекомендации Баста Гиввена, своего главного повелителя драконов.

Вылупились мальки – выжила дюжина дракончиков. Эрвис Карколо выкармливал их, воспитывая то умильными увещаниями, то площадной бранью. Со временем драконы выросли. Надежды Карколо на выведение породы, сочетавшей ярость и непоколебимость, осуществились в четырех неповоротливых раздражительных существах с раздувшимися торсами, длинными тощими ногами и ненасытным аппетитом. («Как будто можно вывести дракона, приказав ему существовать!» – с усмешкой говорил помощникам Баст Гиввен и советовал: «Держите ухо востро с этими тварями – вся их сообразительность нацелена на то, чтобы заманить вас поближе к своим брахам!»)

Время, усилия, средства и провизия, затраченные впустую на бесполезных гибридов, подорвали ресурсы армии Карколо. С плодовитыми Термагантами Эрвису не везло; у него было достаточно Длинноногих Убийц и Длинноногих Убийц, но число более массивных и более

специализированных тварей, особенно Джаггеров, далеко не соответствовало его далеко идущим планам. Воспоминания о былой славе Счастливой долины будоражили его во сне. Прежде всего ему следовало подчинить долину Банбеков; он часто представлял себе церемонию утверждения Джоаза Банбека в ничтожной должности ученика уборщика загонов.

Реализация амбиций Эрвиса Карколо усложнялась несколькими элементарными трудностями. Численность населения Счастливой долины удвоилась, но вместо того, чтобы расширить поселение, разламывая остроконечные скалы или прокладывая туннели, Карколо построил три новых питомника для выведения драконов, дюжину загонов и огромный тренировочный лагерь. Обитатели долины могли только ютиться в тесноте имеющихся зловонных туннелей или сооружать ветхие жилища вдоль основания утеса. Питомники, загоны, тренировочные лагерь и хижины сокращали площадь и так уже скудных полей Счастливой долины. Воду отводили из пруда в загоны; на пропитание драконов затрачивали огромное количество провианта. Жители Счастливой долины недоедали, болели, терпели всевозможные лишения и не разделяли никаких устремлений Карколо, а отсутствие у них энтузиазма бесило Эрвиса.

Так или иначе, когда странник Дэй Альвонсо повторил слова Джоаза Банбека, рекомендовавшего Эрвису Карколо родиться Джаггером, у Карколо вскипела желчь: «Вот еще! Что Джоаз Банбек понимает в разведении драконов? Сомневаюсь, что он вообще знает, о чем говорит, когда произносит драконовы команды». Эрвис имел в виду термины, применявшиеся повелителями, когда они отдавали приказы и распоряжения драконам – секретный жаргон, в каждой армии свой собственный. Выучить драконовы команды противника было первоочередной задачей любого повелителя драконов, так как это позволяло им в какой-то степени контролировать вражеские силы. «Я человек практичный и стою двух таких, как Джоаз, – продолжал Карколо. – Умеет ли он проектировать, взращивать, выкармливать и обучать драконов? Нет. Он поручил все это повелителям, а сам прохлаждается на диване и лакомится сладостями, а его атаки испытывают терпение только его менестрельш. Говорят, что благодаря каким-то астрологическим гаданиям он предсказывает возвращение протопластов – при этом ходит, задрав голову, и наблюдает за небом. Заслуживает ли такой человек власти и благополучной жизни? Я говорю: нет! Таков ли Эрвис Карколо из Счастливой долины? Я говорю: нет – и я это докажу!»

Дэй Альвонсо с сомнением поднял руку: «Не спеши. Он сообразительнее, чем ты думаешь. Его драконов содержат в постоянной готовности, он часто их посещает. А в том, что касается протопластов...»

«Не пугай меня протопластами! – бушевал Карколо. – Я не дитя, чтобы страшиться жупелов!»

Альвонсо снова поднял руку: «Послушай. Я серьезно говорю, тебе полезно будет знать, о чем я расскажу. Джоаз Банбек пригласил меня к себе в кабинет...»

«В свой знаменитый кабинет, разумеется!»

«Он вынул из шкафа хрустальный шар, установленный в черной коробке».

«Ага! – усмехнулся Карколо. – Хрустальный шар!»

Дэй Альвонсо спокойно продолжал, игнорируя помехи: «Я внимательно изучил этот глобус – и в самом деле возникало впечатление, что он содержит в себе все пространство: в нем плавали звезды и планеты, все небесные тела скопления. «Присмотрись! – посоветовал Джоаз Банбек. – Ты больше нигде не увидишь ничего подобного. Этот шар изготовили древние люди, его привезли на Аэрлит первопоселенцы».

«В самом деле? – спросил я. – И что изображает этот шар?»

«Это астрономический прибор, – сказал Джоаз. – Он изображает все ближайшие звезды, их расположение в любой выбранный момент. Смотри! – он указал пальцем. – Видишь белую точку? В древних альманахах эта звезда называется „Коралайн“. Она приближается к Скине

через неравные промежутки времени, ибо таковы взаимодействия звезд скопления. Приближения Коралайна всегда совпадали по времени с нападениями протопластов».

Тут я выразил недоверчивое изумление. Джоаз заверил меня в справедливости своего наблюдения: «В истории людей Аэрлита запечатлены шесть нападений протопластов – или грефов, как их первоначально называли. По всей видимости, по мере перемещения Коралайна в пространстве протопласты разыскивают затаившиеся селения людей на ближайших планетах. Последнее такое нападение случилось давно, во времена Кергана Банбека, его результаты общеизвестны. Тогда Коралайн приблизился к Скине. Теперь, впервые с тех пор, Коралайн снова приближается». Вот что мне поведал Джоаз Банбек, – закончил Дэй Альвонсо, – и я видел этот небесный глобус своими глазами».

Карколо был невольно впечатлен. «Ты хочешь сказать, – требовательным тоном спросил он, – что в этом глобусе плавают все звезды мироздания?»

«За это не могу поручиться, – ответил Альвонсо. – Глобус лежит в черной коробке – подозреваю, что изображение проецируется каким-то внутренним механизмом. Или, может быть, механизм контролирует взаимное расположение светящихся пятнышек, имитирующих звезды. Так или иначе, это чудесное устройство, которым я гордился бы, если бы оно мне принадлежало. Я предложил Джоазу Банбеку обменять его на несколько ценных предметов, но он даже слышать об этом не хотел».

Карколо презрительно выпятил губы: «Ты и твои краденые дети! У тебя нет ни стыда ни совести?»

«Не больше, чем у моих клиентов, – не моргнув глазом, отозвался Альвонсо. – Насколько я помню, мы с тобой не раз заключали выгодные сделки».

Эрвис Карколо отвернулся и притворился, что наблюдает за парой Термагантов, упражнявшихся в поединке деревянными ятаганами. Два человека стояли у каменной ограды, а за оградой драконы практиковались в выполнении маневров – дрались копьями и мечами, укрепляя мускулатуру. Блестела чешуя, пыль поднималась из-под топчущих широких ступней, воздух наполнился едким запахом драконова пота.

Карколо пробормотал: «Он хитер, этот Джоаз. Он знал, что ты подробно расскажешь мне о глобусе».

Дэй Альвонсо кивнул: «Конечно. По его словам... но мне, пожалуй, лучше промолчать». Он лукаво покосился на Карколо из-под мохнатых седых бровей.

«Говори!» – ворчливо произнес Эрвис Карколо.

«Ладно. Учти, что я всего лишь цитирую Джоаза Банбека. «Скажи старому недотепе Карколо, что ему угрожает огромная опасность. Если протопласты вернутся на Аэрлит – а это вполне возможно – Счастливая долина будет совершенно беззащитна, ее опустошат. Где спрячутся его люди? Из загонят в черный звездолет и перевезут на чужую холодную планету. Если Карколо испытывает хоть какое-нибудь сострадание, ему следует прорубить новые туннели, приготовить тайные проходы. Иначе...»

«Иначе что?» – потребовал продолжения Эрвис.

«Иначе Счастливой долины больше не будет – и больше не будет Эрвиса Карколо».

«Да уж! – приглушенно выдавил Карколо. – Непуганые шавки тявкают громче всех».

«Может быть, он добросовестно предупреждает тебя. Еще он сказал... боюсь, однако, что его слова покажутся тебе оскорблением».

«Продолжай! Говори!»

«Так он сказал – слово в слово... Нет, не смею повторить то, что он сказал. По сути дела, он считает твои попытки создать армию смехотворными. Она пренебрежительно сравнивает твои умственные способности со своими. Он предсказывает...»

«Довольно! – взревел Эрвис Карколо, размахивая кулаками. – Джоаз – проникательный противник, но почему ты поддаешься на его провокации?»

Дэй Альвонсо покачал старой седой головой: «Я всего лишь неохотно повторяю то, что ты пожелал услышать. А теперь, так как ты выжал из меня все возможные сведения, сделай мне одолжение. Не купишь ли ты у меня какие-нибудь снадобья, эликсиры, зелья, настойки? У меня есть бальзам вечной молодости – я украл его из личного сундука Демие. У меня в обозе – мальчики и девочки, послушные и красивые, отдам их по сходной цене. Я выслушаю жалобы на твои недомогания, исправлю твою шепелявость, смогу привить тебе мирный, спокойный нрав – или, может быть, ты предпочел бы приобрести драконовы яйца?»

«Все это мне не нужно, – проворчал Карколо. – Особенно драконовы яйца, из которых вылупляются ящерицы. А детьми Счастливая долина и так кишит. Привези мне дюжину здоровых Джаггеров – и уедешь с сотней отборных детей».

Дэй Альвонсо скорбно покачал головой и, прихрамывая, побрел прочь. Карколо пригнулся, опираясь локтями на ограду, и уставился на драконовы загоны.

Солнце опускалось за скалы горы Деспуар – вечерело. Наступило самое приятное время аэрлитского дня, когда ветры успокаивались и наступала просторная бархатная тишина. Слепящее сияние Скины смягчилось и стало дымчато-желтым с бронзовым ореолом; облака, предвещавшие вечернюю грозу, собирались, воспаряли, ныряли, перемещались, завихрялись, подсвеченные непрерывно меняющимися золотистыми, оранжево-коричневыми, золотисто-коричневыми и пыльно-фиолетовыми сполохами.

Скина зашла; золотистые и оранжевые тона стали дубово-коричневыми и багровыми; тучи пронзились молниями, черной завесой обрушился ливень. В загонах люди двигались теперь с особой осторожностью, ибо во время грозы драконы становились непредсказуемыми – то бдительными, то отупевшими, то раздражительными. Дождь кончился, наступила ночь – по долинам дул тихий прохладный ветерок. Темное небо украсилось сияющими россыпями звезд скопления. Одна, особенно яркая, мерцала то красными, то зелеными, то белыми, то снова красными и зелеными отблесками.

Эрвис Карколо задумчиво изучал эту звезду. Одна мысль следовала за другой, и через некоторое время размышления побудили его к действию, которое, казалось, могло распутать весь клубок неопределенностей и неудовлетворенностей, преследовавших его всю жизнь. Рот Карколо подернулся язвительной гримасой. Приходилось притворяться любезным с этим хлыщом, Джоазом Банбеком – но притворство было необходимо. Значит, так тому и быть!

Поэтому на следующее утро, вскоре после того, как менестрельша Фейда обнаружила святошу в кабинете Джоаза, в долине Банбеков появился посыльный, приглашавший Джоаза подняться на Предел Банбеков, чтобы посоветаться с Эрвисом Карколо.

IV

Эрвис Карколо ждал на Пределе Банбеков в компании главного повелителя драконов Баста Гиввена и двух молодых вожатых. За ними выстроились их оседланные драконы: четыре блестящих Паука со скрещенными брахами и ногами, расставленными точно под одинаковыми углами. Это были твари новейшей породы, выведенной Эрвисом, и он ими чрезвычайно гордился. Колючки, окаймлявшие их рогатые морды, были украшены застежками со вставками неограниченной киновари, а грудь каждого Паука защищал круглый щит-мишень, покрытый черной эмалью, с торчащим посередине шипом. На людях были традиционные черные кожаные бриджи и короткие красновато-коричневые плащи, а также черные кожаные шлемы с длинными наушниками, чуть отогнутыми назад и спускавшимися на плечи.

Четыре человека ждали – терпеливо или беспокойно, в зависимости от темперамента, разглядывая ухоженную долину Банбеков по всей ее длине и ширине. На юг простирались поля, где произрастали различные съедобные культуры – вика, бельгард, пекарский мох, роща локватов. Прямо напротив, перед входом в ущелье Клайбурна, все еще можно было заметить воронку, оставшуюся после взрыва звездолета протопластов. На севере виднелись другие поля, а за ними – драконовы лагеря, с их питомниками из черного кирпича, загоном для молодняка и тренировочным полем. Еще дальше начиналась Толчея Банбеков – дикий пустынный участок, где когда-то, в незапамятные времена, обвалился утес, в связи с чем образовался хаотический лабиринт скальных обломков, напоминавший Поднебесную Толчею под горой Гефрон, но меньшего масштаба.

Один из молодых вожатых довольно-таки бестактно отметил очевидно процветающее состояние долины Банбеков – то есть, по сути дела, уничтожительно отозвался о Счастливой долине. Эрвис Карколо расслышал его замечание, мрачно задумался на пару секунд, а затем смерил наглеца высокомерным взглядом.

«Здесь устроили плотину, – не унимался вожатый. – А мы теряем половину воды, она просачивается в низины».

«Верно, – согласился другой. – Причем каменная облицовка – удачная идея. На понимаю, почему мы не могли бы сделать что-нибудь в том же роде».

Карколо начал было говорить, но передумал. Тихо прорывчав нечто невразумительное, он отвернулся. Баст Гиввен подал знак вожатым; те поспешно замолчали.

Немного погодя Гиввен объявил: «Джоаз Банбек выехал».

Карколо взглядывался в сумрак Теснины Кергана: «Кто его сопровождает? Он едет один?»

«По всей видимости».

Через несколько минут Джоаз Банбек поднялся на Предел Банбеков верхом на Пауке в серой и красной бархатной попоне. На самом Джоазе был свободный приталенный плащ из мягкой коричневой ткани поверх серой рубахи и серых штанов. На голову он надел синюю бархатную кепку с длинным козырьком. Приветствуя соседа, Джоаз поднял руку; Эрвис Карколо резко ответил тем же жестом, после чего кивком головы приказал Гиввену и вожатым держаться подальше и не подслушивать разговор.

«Ты прислал сообщение, переданное старым Альвонсо», – ворчливо сказал Карколо.

Джоаз кивнул: «Надеюсь, он не искажил мои замечания».

Карколо по-волчьему оскалился: «Иногда ему приходилось пересказывать их своими словами».

«Тактичный старый Дэй Альвонсо!»

«Насколько я понял, – продолжал Карколо, – ты считаешь меня опрометчивым неудачником, пренебрегающим интересами Счастливой долины. Альвонсо пришлось признать, что ты назвал меня „портачом“».

Джоаз любезно улыбнулся: «Мнения такого рода лучше всего передавать через посредников».

Карколо всем своим видом изобразил надменное терпение: «Судя по всему, ты считаешь, что нам грозит новое нападение протопластов».

«Совершенно верно, – согласился Джоаз. – Если мое предположение верно, и планета протопластов обращается вокруг звезды Коралайн. В таком случае, как я упомянул в присутствии Альвонсо, уязвимость Счастливой долины навлечет на нее беду».

«А долина Банбеков неуязвима?» – рявкнул Карколо.

Джоаз удивленно уставился на него: «Разве это не очевидно? Я принял меры предосторожности. Мои люди живут в туннелях, а не в хижинах. У нас предусмотрены несколько маршрутов эвакуации – по мере необходимости мы можем спрятаться как в Поднебесной Толчее, так и в Толчее Банбеков».

«Очень любопытно! – Карколо постарался говорить мягче. – Если ты прав – а на этот счет я еще не пришел к окончательному выводу – может быть, мне следовало бы принять такие же меры. Но я мыслю в других терминах. Предпочитаю нападение и действие пассивной обороне».

«Достоин восхищения! – заметил Джоаз Банбек. – Такие люди, как ты, вершат великие дела».

Лицо Карколо слегка порозовело. «Это не имеет отношения к делу, – сказал он. – Я приехал, чтобы предложить совместный проект. Он отличается новизной, но тщательно продуман. Я рассматривал различные аспекты этого вопроса на протяжении нескольких лет».

«Слушаю тебя с величайшим интересом», – кивнул Джоаз.

Карколо надул щеки: «Легенды тебе известны так же, как мне – может быть, даже лучше. Наши люди прибыли на Аэрлит, будучи изгнанниками, в эпоху Войны Десяти Звезд. По всей видимости, Кошмарная Коалиция нанесла поражение Древней Власти, но как эта война кончилась... – Карколо развел руками, – кто может сказать?»

«Есть существенные основания полагать, – сказал Джоаз, – что протопласты снова посетят Аэрлит и подвергнут нас разрушениям и бедствиям к своему удовольствию. Мы не видели людей с других планет – кроме тех, что служат протопластам».

«Они – люди? – презрительно спросил Карколо. – Я называю их по-другому. Тем не менее, это не более чем предположение, мы ничего на самом деле не знаем о том, чем закончилась вся эта история. Может быть, протопласты правят звездным скоплением. А может быть, они надоедают нам только потому, что мы слабы и безоружны. Может быть, мы – последние люди. А может быть, Древняя Власть восстанавливается. Не забывай: с тех пор, как протопласты побывали на Аэрлите, прошло много лет».

«Много лет прошло с тех пор, как Скина и Коралайн настолько сблизилась».

Карколо отозвался нетерпеливым жестом: «Сближение звезд может иметь большое значение или ничего не значить. Позволь мне объяснить суть моего предложения. Все достаточно просто. Я считаю, что долина Банбеков и Счастливая долина недостаточно обширны для таких людей, как мы. Мы заслуживаем большего».

Джоаз согласился: «Хотел бы я, чтобы мы могли игнорировать практические трудности».

«Я мог бы предложить способ преодоления этих трудностей», – заявил Карколо.

«В таком случае, – заключил Джоаз, – власть, богатство и слава – в наших руках!»

Карколо с подозрением взглянул на собеседника и хлопнул по бедру украшенной золотыми бусинами кисточкой ножен. «Послушай! – сказал он. – Святоши поселились на Аэрлите раньше нас. Как давно, никто не может сказать. Это великая тайна. По сути дела, что мы знаем о святошах? Почти ничего. Они обменивают металл и стекло на нашу провизию, живут в глубоких пещерах и верят в отчуждение, мечтательные размышления, невмешательство – как бы это ни называлось. Все это совершенно недоступно моему пониманию», – Карколо бросил на Джоаза вызывающий взгляд, но Джоаз всего лишь молча поглаживал длинный подбородок.

«Они изображают из себя не более чем приверженцев метафизического культа, – продолжал Карколо, – но фактически святоши – исключительно таинственный народ. Кто-нибудь когда-нибудь видел святошу-женщину? Как насчет их голубых огней, их молниеразрядных башен, их волшебства? Зачем святоши приходят и уходят по ночам, не говоря ни слова? Что за странные тени летают иногда по небу – может быть, они летают на другие планеты?»

«Всякое рассказывают, не спорю, – отозвался Джоаз. – Насколько можно верить этим слухам...»

«А теперь мы подходим к самой сути моего предложения! – заявил Эрвис Карколо. – Вероучением святош, насколько нам известно, запрещаются стыд, запреты, страх, беспокойство о последствиях. Поэтому они вынуждены отвечать на любой заданный им вопрос. Тем не менее, независимо от вероучения, им удастся сделать полностью невразумительной любую информацию, которую может из них выжать терпеливый человек».

Джоаз с любопытством взглянул на собеседника: «По-видимому, ты предпринимал такие попытки».

Эрвис Карколо кивнул: «Да. Почему бы я это отрицал? Я допрашивал трех святош, решительно и настойчиво. Они отвечали на все вопросы серьезно, спокойно и вдумчиво, но при этом ничего мне не сказали, – Эрвис огорченно покачал головой. – Поэтому я предлагаю применить принуждение».

«Ты – храбрый человек».

Карколо скромно стушевался: «Я не посмел бы прибегать к насилию. Но святошам нужно что-то есть. Если долина Банбеков и Счастливая долина будут сотрудничать, мы могли бы применить очень убедительное средство убеждения: голод. В результате их ответы могут стать более содержательными».

Джоаз поразмышлял несколько секунд. Эрвис Карколо поигрывал кисточкой ножен. Наконец Джоаз сказал: «Это не легкомысленный, изобретательный план – по меньшей мере на первый взгляд. Какого рода информацию ты надеешься добыть? Короче говоря, в чем состоят твои конечные цели?»

Карколо подвинулся ближе, ткнул Джоаза указательным пальцем: «Мы ничего не знаем о других планетах. Мы заброшены в этом несчастном мире скал и ветров, а жизнь проходит! Ты предполагаешь, что протопласты правят звездным скоплением – но что, если это не так? Что, если Древняя Власть вернулась? Подумай о богатых городах, о роскошных курортах, о дворцах и развлекательных островах! Взгляни в ночное небо, представь себе сокровища, которые могут быть нашими! Ты спрашиваешь: как это возможно, как могут осуществиться такие мечты? Я отвечаю: все это может быть настолько просто, что святоши охотно предоставят нам необходимые сведения».

«Ты имеешь в виду...»

«Связь с мирами, населенными людьми! Освобождение из этого одинокого маленького мира на краю Вселенной!»

Джоаз Банбек с сомнением кивнул: «Великолепный план. Но имеющиеся свидетельства позволяют предположить, что сложилась иная ситуация – а именно, что Человеческая Империя рухнула, а люди истреблены».

Карколо развел руками, демонстрируя терпимость, не отягощенную предубеждениями: «Возможно, ты прав. Но почему бы не расспросить святош? Конкретно я предлагаю заключить соглашение о выполнении моего плана. Затем мы попросим Демие принять нас. Зададим ему наши вопросы. Если он ответит добровольно, тем лучше. Если он начнет уклоняться, мы сможем действовать заодно. Прекратим поставки провизии святошам, пока они не объяснят, просто и понятно, то, что мы хотим узнать».

«Существуют другие долины, ложбины и расселины», – задумчиво заметил Джоаз.

Карколо отменил это возражение кратким жестом: «Мы можем воспрепятствовать любой такой торговле, прибегнув к убеждению – или к устрашению драконами».

«Сущность твоего предложения кажется мне привлекательной, – сказал Джоаз, – но я боюсь, что не все так просто».

Карколо молодежато похлопал кисточкой по бедру: «Почему же?»

«Прежде всего, Коралайн разгорелся в небе. Это должно беспокоить нас больше всего. Если Коралайн удалится, а протопласты не нападут – тогда у нас будет время решить вопрос о связи с другими мирами. Опять же – и это, пожалуй, имеет самое непосредственное отношение к твоему плану – я сомневаюсь в том, что святош можно принудить к подчинению. По сути дела, я думаю, что это очень маловероятно. Больше того, я считаю, что это невозможно».

Карколо моргнул: «На каких основаниях?»

«Они ходят голые под мокрым снегом и градом. Почему ты думаешь, что святоши боятся голода? Они могут заняться сбором диких лишайников. Разве мы можем это запретить? Возможно, ты посмеешь применить какое-то средство принуждения – но только не я. То, что говорят о святошах, может быть не более чем суеверием – а может оказаться и преуменьшением».

Эрвис Карколо с отвращением вздохнул: «Джоаз Банбек, я считал тебя решительным человеком. А ты всего лишь ищешь, к чему бы придраться».

«Это не придирки. Я указываю на важнейшие недостатки твоего плана, способные привести к катастрофе».

«Ну хорошо. А сам ты мог бы что-нибудь предложить?»

Джоаз погладил пальцами подбородок: «Если Коралайн отдалится от Скинны – и мы останемся на Аэрлите, а не закончим свои дни в трюме звездолета протопластов – тогда мы сможем придумать, каким образом выведать секреты святош. Тем временем настоятельно рекомендую подготовить Счастливую долину к новому набегу. Ты потратил чрезмерные средства на новые питомники и загоны. Оставь их в покое и займись прокладкой надежных туннелей!»

Эрвис Карколо неподвижно смотрел на долину Банбеков: «Я не привык обороняться. Я нападаю!»

«Ты собрался вести драконов в атаку на ионные разрядники и тепловые излучатели?»

Карколо снова взглянул на Джоаза: «Могу ли я рассматривать тебя как союзника в том, что относится к моему плану?»

«В самом широком смысле слова – несомненно. Тем не менее я не намерен морить голодом святош или принуждать их каким-либо иным образом. Это может быть не только тщетно, но и опасно».

На какой-то момент Карколо потерял способность сдерживать отвращение к Джоазу – его губы покривились, кулаки сжались: «Опасно? Чепуха! Чем могут угрожать голые пацифисты?»

«Мы не знаем, пацифисты ли они. Знаем только, что они – люди».

Карколо снова изобразил сердечное благодушие: «Возможно, ты прав. Но – как минимум в принципе – мы союзники?»

«В какой-то степени».

«Хорошо. Предлагаю в случае нападения, которого ты боишься, действовать совместно, руководствуясь общей стратегией».

Джоаз рассеянно кивнул: «Это может быть полезно».

«Давай согласуем планы. Предположим, протопласты опять приземлятся в долине Банбеков. В таком случае предлагаю твоим людям укрыться в Счастливой долине. В тоже время армия Счастливой долины объединится с твоей армией, прикрывая отступление. Таким же образом, если они нападут на Счастливую долину, мой народ сможет найти убежище в долине Банбеков».

Джоаз рассмеялся – такое предложение его явно позабавило: «Эрвис Карколо, ты принимаешь меня за идиота? Возвращайся к себе в долину, выкинь из головы величественные глупости и займись обороной. И поскорее! Коралайн светится все ярче!»

Карколо напрягся: «То есть ты отказываешься заключить со мной союз?»

«Ни в коем случае. Но я не могу обещать защиту твоих людей и тебя самого, если ты не поможешь себе сам. Если ты удовлетворишь мои требования и продемонстрируешь свою полезность в качестве союзника – тогда мы поговорим о сотрудничестве еще раз».

Эрвис Карколо развернулся на каблуках и подал знак Басту Гиввену и двум молодым вожатым. Без дальнейших слов, даже не оглянувшись, он вскочил в седло роскошного Паука и пришпорил его так, что Паук галопом понесся по Пределу и дальше, вверх по Звездопадному Склону. Его люди последовали за ним, хотя и не так стремительно.

Глядя им вслед, Джоаз недоуменно покачал головой. Затем, оседлав своего Паука, он спустился по тропе в долину Банбеков.

V

Тянулся долгий аэрлитский день, протяженностью равный шести древним суткам. В Счастливой долине кипела угрюмая деятельность, создававшая ощущение целенаправленности и приближения переломного решения. Драконов упражняли плотным строем. Вожатые и сигнальщики выкрикивали команды резче, чем обычно. В арсенале отливали пули, смешивали порох, точили и шлифовали мечи.

Эрвис Карколо довел себя до состояния мелодраматической бравады, утомляя до упада дракона-Паука различными упражнениями. Вооруженные силы Счастливой долины состояли главным образом из Термагантов – небольших проворных драконов со ржаво-красной чешуей, узкими вытянутыми вперед головами и острыми, как долота, когтями. У них были сильные, хорошо развитые брахи, они умели одинаково ловко пользоваться пиками, саблями и булавами. У человека, посмевшегося тягаться с Термагантом, не было никаких шансов – чешуя драконов отражала пули и удары, нанесенные людьми изо всех сил. С другой стороны, человека убивал на месте один удар клыка или один взмах серповидного когтя.

Плодовитые и неприхотливые Термаганты процветали даже в условиях питомников Счастливой долины; именно поэтому они преобладали в составе армии Карколо. Такое положение вещей вызывало недовольство Баста Гиввена, главного повелителя драконов, сухощавого жилистого человека с приплюснутым кривым носом и черными глазами, непроницаемыми, как лужицы чернил на блюде. Как правило немногословный, даже молчаливый, он становился почти красноречивым, когда возражал против нападения на долину Банбеков: «Послушай, Эрвис Карколо! Мы можем напустить на них орду Термагантов, а также достаточное число Длинноногих и Длиннорогих Убийц. Но Синюшных Ужасов, Дьяволов и Джаггеров – нет! Если нас окружат на склоне, мы погибли!»

«Я не намерен драться на склоне, – отвечал Карколо. – Я сам выберу место битвы с Джоазом Банбеком. Его Джаггеры и Дьяволы бесполезны на утесах. А в том, что касается Синюшных Ужасов, наши силы почти равны».

«Ты не учиываешь одну проблему», – заметил Баст Гиввен.

«И в чем она заключается?»

«В невероятности того, что Джоаз Банбек последует твоему плану. На мой взгляд, он очень неглупый человек».

«Каковы основания для такого мнения? – набросился на повелителя драконов Карколо. – Все, что я о нем знаю, свидетельствует о нерешительности и тупости! Так что мы нанесем разрушительный удар! – Карколо шлепнул кулаком по ладони. – И таким образом покончим с высокомерными Банбеками!»

Баст Гиввен повернулся, чтобы уйти, но Карколо гневно приказал ему вернуться: «Ты не проявляешь никакого энтузиазма перед битвой!»

«Я знаю, на что способна и на что неспособна твоя армия, – откровенно заявил Гиввен. – Если Джоаз Банбек таков, каким ты его себе представляешь, мы можем преуспеть. Но если у него между ушами хотя бы столько же мозгов, сколько у пары грумов, разговор которых я слышал десять минут тому назад, нас ожидает катастрофа».

Голосом, сдавленным от гнева, Карколо произнес: «Возвращайся к своим Дьяволам и Джаггерам. Я хочу, чтобы они не уступали проворством Термагантам».

Баст Гиввен ушел. Карколо вскочил на ближайшего Паука и пришипил его. Тварь бросилась вперед, резко остановилась и выгнула длинную шею, посмотрев Карколо в лицо. Карколо закричал: «Пошел, пошел! Давай, быстро, пошевеливайся! Покажи этой деревенщине, что такое настоящий галоп!» Паук рванулся вперед с такой яростью, что Карколо перекувыркнулся через спину и свалился, ударившись шеей. Он лежал и стонал. Подбежали грумы, помогли ему

взобраться на скамью – Эрвис сидел и тихо, непрерывно ругался. Врач осмотрел его, нажимая и тыкая пальцами то там, то здесь, порекомендовал Эрвису лечь в постель и заставил его проглотить успокоительную микстуру.

Карколо отнесли в апартаменты под западной стеной Счастливой долины и поручили заботам его жен; он проспал двадцать часов. Когда он проснулся, уже миновал полдень. Карколо хотел было встать, но обнаружил, что ушиб делал каждое движение слишком болезненным, и со стоном снова лег. Через некоторое время он вызвал Баста Гиввена – тот явился и без каких-либо замечаний выслушал проклятия и жалобы Карколо.

Наступил вечер, драконы вернулись в загоны. Теперь оставалось только ждать рассвета.

Долгой ночью Эрвиса Карколо подвергали различным лечебным процедурам: его массажировали, он принимал горячие ванны, ему заваривали настойки, ему делали припарки. Он прилежно упражнялся и, когда ночь подошла к концу, объявил, что выздоровел. Над головой звезда Коралайн – намного ярче всех остальных звезд – дрожала ядовитыми оттенками красного, зеленого и белого. Карколо отказывался взглянуть на эту звезду, но не мог не замечать ее сияние краем глаза каждый раз, когда выходил под открытое небо.

Приближался рассвет. Карколо собирался выступить, как только драконы станут управляемыми. Перемигивание зарниц на востоке предвещало утреннюю грозу, все еще притаившуюся за горизонтом. Принимая всевозможные меры предосторожности, драконов вывели из загонов и построили в маршевую колонну. Термагантов было почти три сотни, Длинноногих Убийц – восемьдесят пять, столько же Длиннорогих убийц, Синюшных Ужасов – сотня, приземистых, невероятно мощных Дьяволов с шиповатыми стальными шаровыми наконечниками хвостов – пятьдесят два, Джаггеров – восемнадцать. Драконы ворчали и рычали друг на друга, ожидая любой возможности пнуть соседа или откусить ногу зазевавшегося грума. Темнота подогревала их подспудную ненависть к людям, хотя им ничего не рассказывали ни об их происхождении, ни об обстоятельствах их порабощения.

Рассветные молнии сверкали и гремели, озаряя контуры высоко торчащих скал и головок кружильных пиков хребта Малёр. Гроза пронеслась над головой в сторону долины Банбеков, завывая порывами ветра и поливая бойцов шквалами дождя. Восточный небосклон осветился бледным серо-зеленым заревом, и Карколо подал знак к выступлению. Все еще малоподвижный из-за ушибов и кровоподтеков, он подошел, прихрамывая, к своему Пауку, взобрался в седло и приказал твари исполнить особый, впечатляющий курбет. Карколо просчитался: ночная злоба все еще не выветрилась из сознания дракона. Он закончил курбет хлестким движением шеи, снова повалившим Карколо на землю, где он теперь лежал, почти обезумев от боли и отчаяния.

Карколо попытался встать и упал; попытался снова и потерял сознание. Пять минут он лежал в беспамятстве, но затем сумел подняться – казалось, заставив себя это сделать одной силой воли, вопреки своему телу. «Поднимите меня в седло, – сдавленно прошептал он. – Привяжите меня к седлу. Мы должны выступить». Так как он очевидно не мог командовать походом, никто не двинулся с места. Карколо, вне себя от бешенства, хрипло позвал Баста Гиввена: «Выступайте! Теперь уже нельзя останавливаться. Тебе придется командовать войсками».

Гиввен мрачно кивнул. Такая честь не доставляла ему никакого удовольствия.

«Тебе известен план атаки, – хрипел Карколо. – Обогните Клык с севера, как можно скорее перейдите через Сканс, поверните на север вокруг Голубой Расщелины, потом на юг вдоль Предела Банбеков. Возможно, там Джоаз Банбек уже заметит ваше приближение. Нужно развернуть колонну так, чтобы, когда он напустит на вас Джаггеров, вы могли отбросить его Дьяволами. Не рискуйте Джаггерами, беспокойте его Термагантами, а Убийц припасите для решающего удара в том месте, где он достигнет гребня. Ты меня понял?»

«Если все будет так, как ты говоришь, победа нам обеспечена», – пробормотал Баст Гиввен.

«Так оно и будет – если ты не допустишь непростительную ошибку. А, моя спина! Не могу пошевелиться! Пока бушует великая битва, я должен сидеть в питомнике и смотреть на то, как вылупляются мальки! Ступайте же! Нанесите разрушительный удар во имя Счастливой долины!»

Гиввен отдал приказ; армия двинулась вперед. Термаганты бросились в авангард, за ними шли гибкие Длинноногие Убийцы и более массивные Длиннорогие Убийцы, сверкая стальными наконечниками фантастических нагрудных шипов. За ними грузно топтались Джаггеры – хрюкая, булькая, лязгая зубами в такт сотрясающим почву шагам. С обеих сторон Джаггеров маршировали Дьяволы с тяжелыми саблями в брахах, вызывая поднимая над головами стальные шары наконечников хвостов подобно тому, как скорпион поднимает жало. В арьергарде шествовали Синюшные Ужасы, одновременно тяжелые и проворные – они хорошо умели карабкаться по скалам и были не глупее Термагантов. По бокам ехала сотня бойцов – повелители драконов, рыцари, вожатые и сигнальщики, вооруженные мечами, пистолетами и крупнокалиберными мушкетонами.

Лежа на носилках, Карколо наблюдал за тем, как последние отряды его армии скрылись за поворотом, после чего приказал отнести себя обратно к порталу, ведущему к пещерам Счастливой долины. Никогда раньше пещеры не казались ему такими сырыми, грязными и тесными. Он угрюмо взглянул на кучку ютившихся под утесом хижин, построенных из камней, пластин пропитанного смолой лишайника и склеенного дегтем тростника. Когда завоевание долины Банбеков закончится, он приступит к вырубке в утесе новых помещений и залов. Роскошь убранства Вотчины Банбеков была общеизвестна; теперь Счастливая долина должна была выглядеть еще величественнее. Залы будут мерцать опалом и перламутром, серебром и золотом... и, тем не менее, зачем все это? Если все пойдет по плану, он сможет надеяться на осуществление своей великой мечты. А тогда какое значение будут иметь несколько жалких украшений в туннелях Счастливой долины?

Постанывая, он позволил уложить себя на койку и стал развлекаться тем, что воображал продвижение своей армии. Теперь она должна была уже спускаться с Висячего хребта, огибая Клык – скалу полуторакилометровой высоты. Карколо попробовал расправить руки, согнуть и растянуть ноги. Мышцы протестовали, стреляющая боль пронзила все тело – но травмы казались ему уже не такими серьезными. Теперь войска должны были взбираться на осыпи, окаймлявшие обширную пустошь, именуемую Скансом. Врач принес Эрвису микстуру; он выпил ее и заснул. Проснувшись, он тут же встрепенулся: сколько времени прошло? Армия уже, наверное, вступила в бой!

Он приказал отнести себя к внешнему порталу, а затем, все еще не удовлетворенный, заставил слуг переместить себя на другую сторону долины, к новому питомнику драконов, с эстакады которого открывался широкий вид на всю долину. Вопреки протестам его жен, Карколо отнесли туда и устроили настолько удобно, насколько позволяли его ушибы и растяжения.

Эрвис приготовился терпеливо ждать – но ожидание оказалось непродолжительным.

По Северной тропе спускался сигнальщик на загнанном, брызжущем пеной Пауке. Карколо послал груга, чтобы тот встретил посыльного и направил к питомнику. Сам Эрвис, не обращая внимания на боль, поднялся с кушетки. Сигнальщик соскочил с дракона, поднялся, пошатываясь, по эстакаде и, полностью выбившись из сил, облокотился на поручень ограды.

«Засада! – запыхавшись, выпалил он. – Дьявольская катастрофа!»

«Засада? – глухо простонал Карколо. – Где?»

«Как только мы взобрались на Осыпи Сканса. Они ждали, пока не прошли наши Термаганты и Убийцы, а потом напустили на нас Ужасов, Дьяволов и Джаггеров, разделили нас, заставили пятиться и стали сбрасывать валуны на наших Джаггеров! Армия разбита!»

Карколо опустился на кушетку и лежал, глядя в небо: «Какие у нас потери?»

«Не знаю. Гиввен приказал отступить. Мы стали возвращаться, по возможности соблюдая боевой порядок».

Карколо неподвижно лежал, словно потеряв сознание; сигнальщик бросился на скамью.

С севера приближалась поднимающая клубы пыли колонна; через некоторое время можно было уже различить отдельных драконов Счастливой долины. Все они были ранены и плелись в полном беспорядке, подпрыгивая и хромя, иные едва тащились брюхом по земле, выпучив глаза, с хрипом и пронзительными воплями. Первыми приблизились Термаганты, вертевшие по сторонам уродливыми головами; за ними брела пара Синюшных Ужасов, сжимавших и ломавших брахи почти человеческими жестами; за Ужасами плелся, едва держась на широко расставленных ногах, массивный, похожий на огромную жабу Джаггер. Еще не добравшись до загонов, Джаггер с шумом повалился набок, перевернулся на спину и застыл, вытянув к небу ноги с выпущенными когтями.

По Северной тропе спустился Баст Гиввен, изможденный и запыленный. Он спрыгнул с опустившего голову Паука и взошел на эстакаду. Поморщившись от боли, Карколо снова заставил себя подняться с кушетки.

Гиввен отчитался размеренным – даже, казалось, беззаботным – тоном, но даже бесчувственного Эрвиса Карколо это не обмануло. Он недоуменно спросил: «Где именно они устроили засаду?»

«Мы взошли на Осыпи из оврага Хлориса. Там, где Сканс спускается в овраг, выступает и нависает обнажение порфира. Там они нас ждали».

«Потрясающе!» – прошипел сквозь зубы Карколо.

Баст Гиввен едва заметно кивнул.

Карколо сказал: «Допустим даже, что Джоаз Банбек выступил во время рассветной грозы, на час раньше, чем, на мой взгляд, это было возможно. Допустим также, что он погонял драконов, чтобы они бежали со всех ног. Даже если это так, как он смог добраться до Осыпей Сканса раньше нас?»

«Насколько я понимаю, – отозвался Гиввен, – засада нам не угрожала, пока мы не пересекли Сканс. Я намеревался производить разведку, патрулируя Барханный Нанос, вниз по всему Голубому Склону и поперек Голубой Расщелины».

Карколо мрачно согласился с этим планом: «Каким образом, в таком случае, Джоаз Банбек смог так быстро привести отряды к Осыпям?»

Гиввен повернулся, взглянул на долину, где раненые драконы и люди все еще брели вниз по Северной тропе: «Не имею представления».

«Наркотик? – недоумевал Карколо. – Зелье, умиротворившее драконов? Может быть, он устроил бивуак на Скансе и провел там всю ночь?»

«Последнее возможно, – ворчливо признал Гиввен. – Под Барханным Пиком есть пустые пещеры. Если он разместил там войска на ночь, ему оставалось только пересечь Сканс, чтобы устроить засаду».

Карколо крякнул: «Пожалуй, мы недооценили Джоаза Банбека». Он со стоном опустился на кушетку: «Что ж, каковы наши потери?»

Отчет об ущербе был ужасен. От и так уже немногочисленного отряда Джаггеров остались только шестеро. Из пятидесяти двух Дьяволов выжили сорок, но пятеро выживших были тяжело травмированы. Ряды Термагантов, Синюшных Ужасов и Убийц существенно поредели. Многие были разорваны на части в ходе первой лобовой атаки, многие скатились с Осыпей позже под градом валунов – их бронированные туши были беспорядочно разбросаны по каменным завалам. Сотня бойцов тоже пострадала: двенадцать человек были убиты пулями, а четырнадцать погибли во время атаки драконов; еще десятка два получили травмы различной степени тяжести.

Карколо лежал с закрытыми глазами, губы его слабо шевелились.

«Нас спасла только пересеченная местность, – говорил Гиввен. – Джоаз Банбек не хотел рисковать и не пустил драконов в овраг. Если кто-нибудь в этом бою и допустил тактическую ошибку, ошибся Джоаз. Он привел недостаточное число Термагантов и Синюшных Ужасов».

«Небольшое утешение! – прорычал Карколо. – Где остальная армия?»

«Мы заняли выгодную позицию на Висячем хребте. Лазутчиков Банбека мы не видели – ни людей, ни Термагантов. Возможно, он считает, что мы все отступили в долину. Так или иначе, его основные силы все еще сосредоточены на Скансе».

Карколо сделал огромное усилие и поднялся на ноги. Пройдя мелкими шаркающими шажками поперек эстакады, он заглянул вниз, в диспансер. Пятеро Дьяволов скорчились в чанах с бальзамом, ворча и вздыхая. Синюшный Ужас висел в ременной петле и скулил; врачи отделяли секачами обломки его брони от серой плоти. Пока Карколо наблюдал за этой сценой, один из Дьяволов высоко поднялся на ноги – пена обильно текла у него из жабр. Дракон испустил странный мучительный вопль и замертво плюхнулся в бальзам.

Карколо снова повернулся к Гиввену: «Вот что ты должен сделать. Джоаз Банбек, несомненно, выслал вперед патрули. Отступите вдоль Висячего хребта, по возможности скрываясь от патрулей, а затем поверните вверх, на один из перевалов Деспуара – Турмалиновый перевал подойдет. Думаю, что это необходимо по следующим причинам. Банбек допустит, что вы отступаете в Счастливую долину и поспешит на юг, огибая Клык, чтобы напасть на вас, когда вы будете спускаться с Висячего хребта. Как только он задержится под Турмалиновым перевалом, у вас будет преимущество и вы сможете уничтожить Джоаза Банбека со всеми его драконами и бойцами».

Баст Гиввен решительно покачал головой: «Что, если патрули нас обнаружат, несмотря на все предосторожности? Ему останется только последовать за нами и запереть нас в тупике Турмалинового перевала, откуда можно спуститься только по другую сторону горы Деспуар или по Звездопадному Склону. А если мы отважимся выйти на Звездопадный Склон, его Джаггеры разорвут нас за несколько минут».

Эрвис Карколо медленно опустился на кушетку: «Приведи войска обратно в Счастливую долину. Подождем другого подходящего случая».

VI

В скале к югу от утеса, где находились апартаменты Джоаза, был вырублен большой зал, известный под наименованием Чертога Кергана. Пропорции этого помещения, его простота, отсутствие в нем украшений и массивная старинная мебель создавали ощущение продолжающегося присутствия личности; кроме того, в зале чувствовался характерный запах. Запах этот исходил от голых каменных стен, от паркета из окаменевшего мха, от старого дерева – настойчивый прелый аромат, который никогда не нравился Джоазу, так же как любой другой аспект этого помещения. Чрезмерные пропорции зала казались надменными, отсутствие украшений выглядело грубым, если не жестоким. Однажды Джоазу пришло в голову, что он недолюбливал не зал как таковой, а самого Кергана Банбека вместе со всей системой преувеличенных легенд, связанных с его именем.

Тем не менее помещение отличалось рядом приятных аспектов. Из трех высоких сводчатых окон открывался вид на долину. Оконные переплеты состояли из небольших квадратных панелей зеленовато-синего стекла в горбыльках из черного железного дерева. Потолок тоже был обшит деревянными панелями, и здесь допустили, в некоторой степени, типичную для Банбеков склонность к изощренному декору. Под потолком устроили ложные гипсовые капители с головами горгулий и резной фриз, изображавший стилизованные длинные листья папоротника. Меблировку зала составляли всего три предмета: два высоких резных кресла и массивный стол, изготовленные из полированного темного дерева и находившиеся здесь с незапамятных времен.

Джоаз нашел применение этому помещению. На столе теперь лежала детальная рельефная карта района в масштабе чуть больше двухсот метров на сантиметр. В центре карты изображалась долина Банбеков, а справа – Счастливая долина, отделенная от первой хаосом утесов и пропастей, скал, пиков, эскарпов и пятью титаническими вершинами: горой Гефрон на юге, горой Деспуар в центре, Барханным Пиком, Клыкком и Безмятежной горой.

Под Гефроном топорщилась Поднебесная Толчая, а дальше Звездопадный Склон достигал подножий горы Деспуар и Барханного Пика. Под Деспуаром, между Осыпями Сканса и Барханным Наносом, пустоши Сканса простирались вплоть до лабиринта базальтовых расщелин и скал в основании Безмятежной горы.

Пока Джоаз стоял и разглядывал карту, в зал проскользнула притворно ступавшая на цыпочках Фейда. Джоаз сразу ощутил ее приближение благодаря аромату благовонного курения, дымом которого она надушилась перед тем, как искать Джоаза. На ней был традиционный праздничный костюм банбекских девушек: облегающая оболочка из драконовых кишок с опушкой коричневого меха на шее, локтях и коленях. Высокая цилиндрическая шляпа с выемкой по верхнему краю увенчивала ее роскошные каштановые кудри, а на шляпе красовался развевающийся красный плюмаж.

Джоаз сделал вид, что не заметил ее присутствия; менестрельша приблизилась сзади почти вплотную и пощекотала ему шею меховой горжеткой. Джоаз притворялся упрямо безразличным. Ничуть не обманутая этим, Фейда изобразила горестное беспокойство: «Нас всех прикончат? Как идут дела на войне?»

«Для долины Банбеков дела идут неплохо. Бедняге Эрвису Карколо и Счастливой долине здорово не повезло».

«Ты хочешь его уничтожить, – нараспев произнесла Фейда приглушенно-укоризненным тоном. – Ты его убьешь! Несчастливого Эрвиса Карколо!»

«Он ничего другого не заслуживает».

«Но что теперь будет со Счастливой долиной?»

Джоаз Банбек лениво пожал плечами: «Она изменится к лучшему».

«Ты намерен править этой долиной?»

«Только не я».

«Но подумай только! – прошептала Фейда. – Джоаз Банбек, тиран долины Банбеков, Счастливой долины, Фосфорной Ложбины, Глора, Тарна, Заворотного Тупика и Большой Северной Расселины!»

«Только не я, – повторил Джоаз. – Может быть, ты не прочь править вместо меня?»

«О! С удовольствием! Какие новшества я придумаю! Одну святош в красные и желтые ленты. Прикажу им петь и танцевать, пить майское вино. Драконов сошлю на юг, в Аркадию – за исключением нескольких заботливых Термагантов, ухаживающих за детьми. Сожгу броню, сломаю мечи...»

«Дорогая маленькая балаболка, – Джоаз рассмеялся. – Твое правление было бы исключительно скоротечным!»

«Почему же? Почему не вечным? Если у мужчин не будет чем драться...»

«А когда приземлятся протопласты, ты повесишь им на шеи цветочные гирлянды?»

«Вот еще! Они тут больше носа не покажут. Почему бы им приспичило опустошать поселки в нескольких труднодоступных долинах?»

«Кто знает, что они тем самым приобретают? Мы – свободные люди, может быть – последние свободные люди во Вселенной. Кто знает? Вернутся ли они? Коралайн разгорелся в ночном небе!»

Фейда неожиданно заинтересовалась рельефной картой: «А твоя нынешняя война? Как все это ужасно! Ты будешь нападать или обороняться?»

«Это зависит от Карколо, – сказал Джоаз. – Мне нужно только подождать – он сам обнаружит свои намерения». Опустив голову и глядя на карту, он задумчиво прибавил: «Он достаточно проницателен, чтобы нанести мне ущерб, если я не буду соблюдать осторожность».

«Что, если протопласты прилетят, пока вы с Карколо скандалите?»

Джоаз улыбнулся: «Может быть, всем придется бежать в Толчею. Может быть, всем придется вместе драться с протопластами».

«Я буду драться вместе с вами! – заявила Фейда, изображая решительность и отвагу. – Мы нападём на огромный звездолет протопластов, уклоняясь от тепловых лучей, отражая разряды энергии! Мы возьмем штурмом их входной шлюз и натянем нос первому же инопланетному мародеру!»

«Продумывая свою мудрую стратегию, ты допустила одно упущение, – сказал Джоаз. – Как найти нос у протопласта?»

«В таком случае, – не сдавалась Фейда, – мы схватим их за...» Она обернулась – из прихожей послышался какой-то звук. Джоаз прошел к двери, открыл ее. В зал бочком протиснулся старый привратник Райф: «Ты просил позвать тебя, когда бутылка опрокинется или разобьется. Так вот, она опрокинулась и разбилась вдребезги, пять минут тому назад».

Джоаз проскочил мимо Райфа и побежал по коридору.

«Что это значит? – удивилась Фейда. – Райф, что ты ему сказал? Почему он так беспокоится?»

Райф тревожно тряс головой: «Я тоже ничего не понимаю. Он показал мне бутылку. „Следи, – говорит, – за этой бутылкой днем и ночью!“. И еще он говорит: „Если бутылка разобьется или опрокинется, тут же меня позови“. Я подумал: „Подумаешь, делов-то! Глазеть на бутылку!“ Джоаз решил, что я настолько состарился, что для меня нужно придумать какую-нибудь бессмысленную халтуру – например, следить за бутылкой? Да, я стар, мои челюсти дрожат, но голова еще работает. Представь себе, как я удивился, когда эта бутылка разбилась! Ничего таинственного в этом нет, конечно: она разбилась потому, что упала на пол. Тем не менее, так как я не понимаю, что все это значит, я выполнил указание и сообщил об этом Джоазу Банбеку».

Фейда нетерпеливо поморщилась: «Где эта бутылка?»
«В кабинете Джоаза Банбека».

Фейда тоже выбежала из зала – так быстро, как могла бежать в туго облегающей бедра оболочке: по переходному туннелю, поперек Теснины Кергана по крытому мосту и наверх по диагонали, к апартаментам Джоаза.

Фейда поспешила вдоль длинного коридора в прихожую, где на полу валялись осколки разбитой бутылки, а оттуда – в кабинет. Там она ошеломленно остановилась: в кабинете никого не было. Но она тут же заметила приоткрытую секцию стеллажа. Фейда тихо, боязливо прокралась по комнате и заглянула вниз, в мастерскую.

Ее взору открылась странная сцена. Джоаз стоял с холодной усмешкой, подбоченившись, напротив голого святоши, серьезно пытавшегося сдвинуть барьер, опустившийся вдоль участка стены. Но упавшая перегородка хитроумно защелкнулась, что сводило на нет все усилия святоши. Святоша повернулся, бросил мимолетный взгляд на Джоаза и направился к выходу на лестницу, ведущую в кабинет.

У Фейды перехватило дыхание – она отшатнулась.

Святоша поднялся в кабинет и намеревался уже выйти через дверь.

«Одну минуту! – позвал его поднявшийся вслед за ним Джоаз. – Я хотел бы поговорить с тобой».

Святоша задержался и обернулся со спокойно-вопросительным выражением. Это был молодой человек с безмятежным, почти неподвижным, почти красивым лицом. Его глаза – широко раскрытые, голубые, невинные – казалось, ни на чем не сосредоточивались. Хрупкого телосложения, тощий, он опустил длинные руки; его пальцы дрожали, как от нервного тика. Вдоль его спины почти до пояса свисала сплошная грива светло-коричневых волос.

Джоаз уселся с демонстративной неторопливостью, не отрывая глаз от святоши. Через некоторое время он произнес многозначительно-угрожающим тоном: «Я нахожу твое поведение весьма непочтительным». Это было утверждение, не требовавшее ответа, и святоша ничего не ответил.

«Будь так любезен, присаживайся, – сказал Джоаз, указывая на скамью. – Тебе придется многое объяснить».

Показалось ли Фейде? Или в глазах святоши на мгновение сверкнула искорка дикого веселья, тут же потухшая? Снова, однако, святоша ничего не ответил. Приспосабливаясь к странным правилам общения со святошами, Джоаз спросил: «Не желаешь ли присесть?»

«Это несущественно, – сказал святоша. – Так как я уже стою, я буду стоять».

Джоаз поднялся на ноги и совершил беспрецедентный поступок. Он пододвинул скамью под святошу, постучал ребром ладони сзади по сгибам шишковатых коленей молодого человека и плотно усадил его на скамью. «Так как ты уже сидишь, – заметил Джоаз, – теперь можешь и посидеть».

Святоша со спокойным достоинством снова поднялся на ноги: «Я буду стоять».

Джоаз пожал плечами: «Как тебе угодно. Я намерен задать тебе несколько вопросов. Надеюсь, что ты не откажешься точно и понятно на них ответить».

Святоша туповато моргнул.

«Ты это сделаешь?»

«Конечно. Хотя я предпочел бы вернуться тем путем, которым пришел».

Джоаз проигнорировал это замечание. «Прежде всего: зачем ты приходишь ко мне в кабинет?» – спросил он.

Святоша доходчиво пояснил – будто разговаривая с ребенком: «Вопрос сформулирован расплывчато. Мне он непонятен, в связи с чем я не должен отвечать, так как поклялся говорить только правду тем, кто в ней нуждается».

Джоаз устроился в кресле: «Спешить некуда. Я готов к длительному обсуждению. Позволь тогда спросить тебя таким образом: испытывал ли ты какие-либо объяснимые побуждения, заставившие тебя явиться ко мне в кабинет?»

«Да».

«Сколько таких побуждений ты можешь распознать?»

«Не знаю».

«Больше одного?»

«Возможно».

«Меньше десяти?»

«Не знаю».

«Гм... Почему ты не уверен?»

«Я уверен».

«Почему же тогда ты не можешь назвать требуемое число побуждений?»

«Такого числа нет».

«Понятно... Может быть, ты имеешь в виду, что ты руководствовался одним побуждением, сочетавшим в себе несколько элементов – побуждением, заставившим твои ноги привести тебя сюда?»

«Возможно».

Тонкие губы Джоаза покривились бледной торжествующей улыбкой: «Можешь ли ты описать элемент такого побуждения?»

«Да».

«Опиши его».

Повелительная фраза не могла оказать на святошу никакого влияния. Любые формы принуждения, известные Джоазу – огонь, меч, жажда, нанесение травмы – воспринимались бы святошей всего лишь как неудобства; он игнорировал бы их так, словно они не существовали. Единственным реальным миром для него был его личный внутренний мир; вмешиваться каким-либо образом в дела «недолюдей» или как-либо реагировать на них было для него унижительно. Осознавая в какой-то степени этот факт, Джоаз перефразировал указание: «Можешь ли ты подумать об элементе побуждения, заставившего тебя сюда придти?»

«Да».

«В чем заключается этот элемент?»

«В желании бродить».

«Можешь ли ты подумать о другом элементе?»

«Да».

«В чем заключается этот другой элемент?»

«В желании упражняться посредством ходьбы».

«Понятно... Кстати, пытаешься ли ты уклониться от ответа на мои вопросы?»

«Я отвечаю на заданные вопросы. Пока я это делаю, пока я раскрываю свои мысли всем, кто стремится к познанию – а этого требует наше вероучение – об уклонении не может быть речи».

«Если верить тебе на слово. Тем не менее, ты не смог удовлетворительно ответить на мой вопрос».

Единственным ответом святоши на это заключением стало почти незаметное расширение зрачков.

«Ну хорошо, – сказал Джоаз Банбек. – Можешь ли ты подумать о еще одном элементе сложного побуждения, которое мы обсуждали?»

«Да».

«В чем он заключается?»

«Меня интересуют древности. Я пришел к тебе в кабинет, чтобы полюбоваться реликвиями древних миров».

«В самом деле? – Джоаз поднял брови. – Мне повезло, что у меня есть сокровища, вызывающие столь пристальный интерес. Какие из моих древностей особенно тебя заинтересовали?»

«Твои книги. Твои карты. Твой большой глобус Архимира».

«Архимира? Эдема?»

«Таково одно из его названий».

Джоаз поджал губы: «Таким образом, ты пришел сюда, чтобы изучить мои древности. Хорошо. Существуют ли еще какие-либо элементы побуждения, которым ты руководствовался?»

На какую-то долю секунды святоша замешкался: «Мне порекомендовали сюда придти».

«Кто?»

«Демие».

«Почему он тебе это порекомендовал?»

«В этом я не уверен».

«Можешь ли ты предположить причину?»

«Да».

«В чем заключаются такие предположения?»

Святоша невыразительно пошевелил пальцами одной руки: «Возможно, Демие желает стать „недочеловеком“ и поэтому стремится понять принципы вашего существования. Или Демие желает чем-то обменяться. Демие может интересоваться описанием древностей, хранящихся в твоём кабинете. Или у Демие может вызывать любопытство фокусировка твоих визионных панелей. Или...»

«Довольно! Какое из этих предположений или других предположений, о которых ты еще не упомянул, представляется тебе наиболее вероятным?»

«Ни одно».

Брови Джоаза снова взметнулись: «Каким образом ты обосновываешь такое мнение?»

«Может быть сформулировано любое желаемое число предположений, в связи с чем показатель любого соотношения вероятностей в данном случае носит переменный характер, и вся концепция становится арифметически бессмысленной».

Джоаз устало усмехнулся: «Какое из предположений, пришедших тебе в голову до настоящего времени, ты считаешь наиболее вероятным?»

«Подозреваю, что Демие мог считать желательным, чтобы я здесь стоял».

«Чего ты можешь добиться, стоя здесь?»

«Ничего».

«В таком случае Демие не прислал тебя сюда для того, чтобы ты стоял».

На это утверждение святоша, разумеется, ничего не ответил.

Джоаз тщательно сформулировал вопрос: «Считаешь ли ты, что Демие надеется достичь чего-то, поручив тебе придти сюда и стоять?»

«Я считаю, что он желает понять, как мыслят „недолюди“».

«И тебе удалось узнать, как я мыслю, приходя сюда?»

«Я узнал очень многое».

«Каким образом это тебе поможет?»

«Не знаю».

«Сколько раз ты посещал мой кабинет?»

«Семь раз».

«Почему именно тебя выбрали в качестве посетителя?»

«Синод одобрил мой танд. Я вполне могу стать следующим Демие».

Джоаз обронил через плечо, обращаясь к Фейде: «Завари чай». Повернувшись снова к святоше, он спросил: «Что такое танд?»

Святоша глубоко вздохнул: «Мой танд – образ моей души».

«Гм! Как он выглядит?»

Выражение лица святоши невозможно было истолковать: «Это неопишимо».

«А у меня есть танд?»

«Нет».

Джоаз пожал плечами: «Значит, ты можешь читать мои мысли».

Молчание.

«Можешь ли ты читать мои мысли?»

«Не очень хорошо».

«Почему бы ты хотел читать мои мысли?»

«Мы оба живем в одной Вселенной. Нам запрещено действовать. Поэтому мы обязаны знать».

Джоаз скептически улыбнулся: «Как знания могут тебе помочь, если ты не можешь действовать, пользуясь этими знаниями?»

«События следуют по Стезе Разума так же, как вода стекает в углубление и образует лужу».

«Чепуха! – воскликнул внезапно раздраженный Джоаз. – Твое вероучение запрещает тебе вмешиваться в наши дела – но, тем не менее, ты позволяешь некой „Стезе Разума“ определять условия, воздействующие на последовательность событий. Правильно ли я тебя понимаю?»

«Не уверен. Мы – пассивные люди».

«И все-таки у Демие сложился в голове какой-то план, когда он послал тебя сюда. Не так ли?»

«Не могу сказать».

Джоаз перешел к другому этапу допроса: «Куда ведет туннель за моей мастерской?»

«В пещеру».

Фейда поставила перед Джоазом серебряный чайник. Он налил себе чаю и стал задумчиво его прихлебывать. Существовали всевозможные состязания; он и святоша вступили в идеологическое состязание, в словесную игру в прятки. Святоша был обучен терпению и неочевидному уклонению. Джоаз мог противопоставить этому гордость и неуступчивость. Святошу связывала врожденная необходимость говорить правду. Джоаз, с другой стороны, мог действовать на ощупь, как человек с завязанными глазами, незнакомый с тем, что ищет, не имеющий представления о том, что он выиграет, если найдет искомое. «Что ж! – подумал Джоаз. – Продолжим! Посмотрим, у кого раньше сдадут нервы». Он предложил святоше чаю; тот отказался движением головы – быстрым и почти заметным, будто вздрогнув.

Джоаз показал жестом, что ему было все равно. «Если тебе потребуется утолить голод или жажду, – сказал он, – пожалуйста, дай мне знать об этом. Мне настолько нравится наша беседа, что, боюсь, ее продолжительность может испытать твоё терпение. Ты уверен, что не желаешь присесть?»

«Не желаю».

«Как тебе угодно. Хорошо, вернемся к нашему разговору. Пещера, о которой ты упомянул, населена святошами?»

«Твой вопрос мне непонятен».

«Святоши пользуются этой пещерой?»

«Да».

В конечном счете, мало-помалу, Джоаз извлек следующую информацию: пещера соединялась с рядом помещений, где святоши плавил металл, варили стекло, ели, спали, совер-

шали обряды. Когда-то в пещере существовало отверстие, выходящее в долину Банбеков, но его давно замуровали. Почему? По всему звездному скоплению бушевали войны; банды потерпевших поражение людей искали убежище на Аэрлите, селились в расщелинах и долинах. Святоши предпочитали изолированное существование и закрыли свои пещеры так, чтобы их не было видно снаружи. Где было прежнее отверстие? Святоша дал расплывчатый, неопределенный ответ: где-то на северном конце долины. За Толчеей Банбеков? «Возможно». Но торговлю со святошами люди вели у входа в пещеру под горой Гефрон. Почему? «Это удобно, – заявил святоша. – Кроме того, это место легкодоступно также для обитателей Счастливой долины и Фосфорной Ложбины». Сколько святош проживает в пещерах? «Неопределенное число. Некоторые могли уже умереть, другие могли родиться». Примерно, сколько их было сегодня утром? «Около пятисот».

К тому времени, когда был задан последний вопрос, святоша уже едва держался на ногах и пошатывался, а Джоаз охрип.

«Вернемся к твоему побуждению – или к элементам побуждений, заставивших тебя придти ко мне в кабинет. Связаны ли эти побуждения каким-то образом со звездой Коралайн и к возможности возвращения протопластов – или грэфов, как их раньше называли?»

И снова святоша, казалось колебался. «Да», – ответил он.

«Помогут ли нам святоши справиться с протопластами, если они вернуться?»

«Нет», – этот ответ был сухим и определенным.

«Но я допускаю, что святоши хотели бы, чтобы протопластов выгнали?»

Молчание.

Джоаз перефразировал вопрос: «Желают ли святоши, чтобы протопластов выгнали с Аэрлита?»

«Стезя Разума – в том, чтобы не вмешиваться в дела людей и нелюдей, в равной степени».

Джоаз поджал губы: «Предположим, протопласты ворвутся в ваши пещеры, выгнать вас оттуда и отвезут на планету Коралайна. Что тогда?»

Святоша, казалось, почти рассмеялся: «На этот вопрос невозможно ответить».

«Будете ли вы сопротивляться, если протопласты попытаются вас захватить?»

«Не могу ответить на этот вопрос».

Джоаз рассмеялся: «Но ты не можешь ответить отрицательно?»

Святоша согласился.

«Значит, у вас есть оружие?»

Безмятежные голубые глаза святоши словно слегка закатились. Он не хотел выдать секрет? Он устал? Джоаз повторил вопрос.

«Да», – сказал святоша. Его колени подкосились, но он заставил ноги выпрямиться.

«Какого рода оружие?»

«Бесчисленное множество различных видов. Мы можем бросаться палками. Можем тыкать сломанными палками. У нас есть режущее и рубящее оружие, такое, как кухонная утварь, – голос святоши замирал, словно удаляясь. – Яды: мышьяк, сера, тривентид, кислота, черные споры. Жгущее оружие, такое, как факелы и линзы, фокусирующие солнечный свет. Душащее оружие: веревки, петли, стропы, тросы. Цистерны, в которых можно утопить врага...»

«Сядь, отдохни, – настаивал Джоаз. – Перечисление видов вашего оружия меня интересует, но в конечном счете представляется недостаточным. Есть ли у вас другое оружие, позволяющее решительно отразить нападение протопластов?»

Намеренно или случайно, святоша не смог ответить на этот вопрос. Он опустился на колени – медленно, словно приготовившись к молитве. Затем он упал, растянувшись на боку. Его полуоткрытые глаза полностью закатились и стали отвратительно-белыми.

«Говори! – прохрипел Джоаз. – Отвечай на мой вопрос! Есть у вас оружие, позволяющее отразить нападение протопластов?»

Бледные губы пошевелились: «Не знаю».

Джоаз нахмурился, заглянул в бледно-восковое лицо и недоуменно отшатнулся: «Он умер!»

VII

Фейда, сонно отдыхавшая на кушетке с порозовевшим лицом и растрепанными волосами, подняла глаза: «Ты его убил!»

«Нет. Он сам умер – заставил себя умереть».

Часто моргая, Фейда перебралась ближе к Джоазу, села рядышком и прижалась к нему – он рассеянно отстранился. Фейда нахмурилась, пожалала плечами и, так как Джоаз не обращал на нее внимания, прошествовала прочь из кабинета.

Джоаз откинулся на спинку кресла, продолжая смотреть на распростертое тело. «Он не уставал, – пробормотал он, – пока я не начал выведывать тайны».

Через некоторое время Джоаз вскочил, зашел в прихожую и послал Райфа позвать цирюльника. Часом позже остриженный труп уложили на деревянный поддон, а у Джоаза в руках остался примитивный парик, сделанный из длинных волос святоши.

Цирюльник ушел; служители унесли труп. Джоаз стоял один в кабинете; он напрягся, у него слегка кружилась голова. Джоаз разделся, чтобы походить на голого святошу. Брезгливо натянув парик на голову, он рассмотрел себя в зеркале. На первый взгляд, чем он отличался от святоши? Чего-то не хватало: ошейника. Джоаз приладил ошейник и снова изучил свое отражение, теперь более или менее удовлетворительное.

Спустившись в мастерскую, после некоторого колебания он отсоединил панель ловушки и осторожно отодвинул каменный блок. Опустившись на четвереньки, он заглянул в туннель и, так как там было темно, осветил стеклянным флаконом, наполненным люминесцентными водорослями. В тусклом зареве туннель казался пустым. Решительно подавив опасения, Джоаз протиснулся в отверстие и стал осторожно спускаться по туннелю, узкому и низкому; он нервничал, у него по коже бежали мурашки. Остановившись, Джоаз прислушался, но не услышал ничего, кроме тихо пульсирующего шума крови в ушах.

Примерно через сто метров туннель выходил в естественную пещеру. Джоаз нерешительно остановился, напрягая слух в полумраке. Светящиеся стеклянные трубки, закрепленные на стенах через неравные промежутки, создавали какое-то освещение, достаточное, чтобы разглядеть, куда углублялась пещера – по всей видимости в северном направлении, параллельно долине. Джоаз снова двинулся вперед, задерживаясь через каждые несколько метров, чтобы прислушаться. Насколько ему было известно, святоши отличались мирным, спокойным нравом, но при этом были исключительно скрытны. Как они отреагируют на присутствие чужака? Джоаз ни в чем не мог быть уверен и продолжал идти, сохраняя предельную бдительность.

Пещера поднималась, спускалась, расширялась и сужалась. Через некоторое время Джоаз заметил признаки ее использования: небольшие каморки, вырубленные в стенах и освещенные канделябрами с высокими флаконами, заполненными светящимся материалом. В двух каморках Джоаз заметил святош – один спал на тростниковой циновке, другой сидел, поджав ноги, и неподвижно смотрел на устройство из скрученных металлических стержней. Он не обратил внимания на проходящего – Джоаз продолжил путь, несколько ободренный этим обстоятельством.

Пещера еще раз спустилась, расширяясь раструбом, и Джоаз внезапно оказался в следующей пещере, настолько огромной, что на какое-то мгновение он испугался – ему показалось, что он вышел под открытое ночное небо. Свод пещеры терялся над мерцанием бесчисленных светильников, костров и тлеющих флаконов. Впереди и слева работали плавильни и кузницы; дальнейшее пространство частично скрывалось за выступом стены. Джоаз заметил многоярусную трубчатую конструкцию – здесь, по всей видимости, была мастерская, так как сооруже-

нием сложной конструкции занималось множество святош. Справа громоздились штабелем тюки, тянулись вереницы больших корзин, заполненных неизвестными товарами.

Теперь Джоаз впервые увидел женщин-святош: нет, они не были нимфами или получеловеческими ведьмами народных легенд. Так же, как мужчины, они выглядели бледными и хрупкими, с заостренными, резкими чертами лиц; так же, как мужчин, их прикрывали только спускавшиеся до пояса волосы. Почти никто не разговаривал, никто не смеялся; преобладала скорее атмосфера печальной безмятежности и сосредоточенности. В пещере возникало ощущение древности, постоянного обитания и автоматического соблюдения обычаев. Ее каменный пол отполировали обнаженные ступни бесчисленных ног, стены потемнели от испарений, выделенных множеством поколений.

Никто не обращал внимания на Джоаза. Он медленно прошел вперед, держась в тени, и задержался у штабеля тюков. Справа пещера удалялась в сумрак пространства как неравномерная, непропорционально огромная горизонтальная воронка, телескопически выдвигавшаяся и повторявшаяся за поворотами, постепенно становясь совершенно нереальной в тусклом зареве светильников.

Джоаз обыскивал взглядом непомерную полость пещеры. Где мог находиться арсенал – хранилище оружия, существование которого умирающий святоша подтвердил последним вздохом? Джоаз снова повернулся налево, напрягая зрение, чтобы лучше рассмотреть причудливую многоярусную конструкцию в мастерской, возвышавшуюся метров на пятнадцать над каменным полом. «Странное сооружение!» – думал Джоаз, вытягивая шею. Он не мог распознать характер или назначение этой конструкции. Но все в этой пещере – находившейся так близко к долине Банбеков и в то же время такой далекой – было странным и непривычным. Оружие? Оно могло оказаться где угодно; так или иначе, он не смел продолжать поиски.

Здесь он больше ничего не мог найти, не рискуя быть обнаруженным. Джоаз стал возвращаться тем путем, которым пришел: вверх по тускло освещенному широкому проходу мимо редких боковых камерок, где два святоши оставались в тех позициях, в каких пребывали раньше – один спал, другой сосредоточенно взирал на устройство из скрученного металла. Джоаз шел и шел. Неужели он очутился так далеко? Где была расщелина туннеля, ведущего к его апартаментам? Может быть, он ее уже миновал и ее придется искать? У него панически перехватило дыхание, но он продолжал идти, бдительно вглядываясь в полумрак. Вот она, он не заблудился! Справа открывалась знакомая, успокаивающая страхи расщелина. Джоаз бросился туда и стал подниматься по туннелю длинными размашистыми шагами, как человек, идущий под водой, удерживая над головой светящийся трубчатый флакон.

Перед ним возникло видение: высокая бледная фигура. Джоаз оцепенел. Худошавая фигура надвигалась. Джоаз прижался к стене. Фигура сделала еще несколько шагов и внезапно превратилась в знакомого человека. Это был тот самый молодой святоша, которого Джоаз поручил обрить и похоронить. Святоша встал перед Джоазом, его голубые глаза горели укоризной и презрением: «Отдай мой ошейник».

Джоаз снял золотой ошейник онемевшими пальцами. Святоша взял его, но не поспешил закрепить его на шее. Он взглянул на массу длинных волос, обременявшую голову Джоаза. Скорчив глупую гримасу, Джоаз содрал с себя парик и протянул его святоше. Тот отскочил, словно Джоаз превратился в пещерного гоблина. Протиснувшись мимо – так, чтобы между ним и Джоазом оставался максимальный зазор, возможный в тесном туннеле, святоша быстро удалился вниз по туннелю. Джоаз бросил парик на пол – неряшливую кучку спутанных волос. Повернувшись, он взглянул вослед святоше – бледная фигура уже растворялась в сумраке. Джоаз снова, на этот раз медленно, стал подниматься по туннелю. Вот он – продолговатый прямоугольник света, проход в его мастерскую! Джоаз пролез в отверстие и вернулся в реальный мир. Яростно, изо всех сил, он задвинул отверстие каменным блоком и резко опустил панель, первоначально позволившую ему поймать святошу.

Одежда Джоаза лежала там, где он ее оставил. Завернувшись в плащ, он подошел к выходной двери и выглянул в прихожую, где дремал в кресле Райф. Прищелкнув пальцами, Джоаз приказал старику: «Приведи каменщиков, пусть принесут строительный раствор, стальную арматуру и камни».

Джоаз тщательно вымылся, раз за разом натирая тело эмульсией, смывая ее и снова прополаскивая кожу. Выйдя из ванной, он провел ожидавших его каменщиков в мастерскую и поручил им заблокировать отверстие в стене.

Затем он прилег на кушетку в спальне. Попивая вино из пиалы, он позволил разыграться воображению. Воспоминания становились мечтами, мечты превращались в сон. Джоаз снова спускался по туннелю, опираясь на гладкий камень ступнями, легкими, как пух – в длинную пещеру, где святоши в каморках на этот раз подняли головы, чтобы взглянуть на него, когда он проходил мимо. Наконец он остановился у входа в огромное подземное пространство и снова с почтительным трепетом посмотрел по сторонам. Теперь он скользил по полу пещеры мимо святош, серьезно работавших вокруг очагов и наковален. Искры сыпались из колб, голубой газ полыхал над плавящимся металлом.

Джоаз прошел дальше и повернул в небольшую комнату, вырубленную в камне. Здесь сидел старик, тощий, как шест, прикрытый ниспадающей до пояса снежно-белой гривой. Рассматривая Джоаза бездонными голубыми глазами, старик что-то произнес, но его голос невозможно было расслышать. Он заговорил снова, и теперь его слова громко прозвучали в голове Джоаза.

«Я привел тебя сюда, чтобы предупредить: не причиняй нам ущерб, не извлекая из этого никакой выгоды для себя. Оружие, которое ты ищешь, не существует и недоступно твоему воображению. Забудь о нем, не стремись его заполучить».

Приложив огромное усилие, Джоаз сумел пробормотать: «Молодой святоша не отрицал, что это оружие должно существовать!»

«Только в узком смысле особого истолкования. Юноша может сообщать только буквальную истину, проявляя при этом всю возможную благосклонность. Неужели ты не понимаешь, почему мы отстранились от вас? Для вас, недолудей, чистота непостижима. Ты хотел приобрести преимущество, но ничего не достиг, прибегая к недостойным уловкам и хитростям. Если ты снова будешь настаивать на своем, мне придется унизиться и внести поправки. Уверяю тебя, так называемое оружие тебе совершенно недоступно».

Сначала Джоаза охватил стыд, но затем он возмутился и воскликнул: «Ты не понимаешь, насколько это необходимо! Почему бы я повел себе по-другому? Коралайн приближается, протопласты скоро вернуться. Разве вы не люди? Почему бы вам не помочь нам защищать эту планету?»

Демие покачал головой – его седые волосы волновались с гипнотической медлительностью: «Позволь указать тебе на Стезю Разума, ведущую к пассивности, полной и абсолютной. Нам предписаны одиночество, святость, безмятежность, мир. Можешь ли ты представить мучения, угрожающие мне только потому, что я с тобой говорю? Я вмешиваюсь, я препятствую – от этого невыносимо болит душа. И этому нет конца. Да, мы посещали твой кабинет, но не причиняли никакого ущерба, никак не унижали твое достоинство. Ты же посетил наш чертог – и для этого унизил благородного юношу. Теперь мы в расчете, между нами не осталось никаких обязательств. Ты согласен?»

Джоаз слышал, как сам собой ответил его голос – при этом он не сделал никакого сознательного усилия; голос, казалось, звучал гнусавее и резче, чем ему хотелось бы: «Ты предлагаешь это соглашение теперь, когда вы уже вывели все мои секреты, но мне ничего не удалось узнать у вас».

Лицо Демие, казалось, дрожало, то удаляясь, то приближаясь. Джоаз истолковал выражение этого лица как презрительное; лежа на кушетке, он ворочался и подергивался во сне.

Он постарался говорить спокойно и убедительно: «Послушай! И ты, и я – люди. Почему между нами должны быть расхождения? Обменяемся секретами, поможем друг другу. Изучайте мои архивы, мои экспонаты и реликвии, сколько угодно. Но позвольте мне изучить ваше существующее, но будто бы несуществующее оружие. Клянусь, что буду использовать его только против протопластов, защищая и себя, и вас».

В глазах Демие сверкнула искра: «Нет».

«Почему нет? – возразил Джоаз. – Ты же не хочешь, чтобы нам нанесли ущерб?»

«Мы отстранились, мы бесстрастны. Мы ждем вашего вымирания. Вы – недолюди, все, что осталось от человечества. Когда вас больше не будет, больше не будет ваших темных мыслей и мрачных интриг, больше не будет убийств, боли и злобы».

«Не могу в это поверить, – сказал Джоаз. – Может быть, в нашем звездном скоплении больше не осталось людей, но можешь ли ты сказать то же самое обо всей Вселенной? Древняя Власть распространялась повсюду! Рано или поздно люди вернуться на Аэрлит».

Голос Демие зазвенел: «Ты думаешь, нашими устами глаголет только вера? Ты сомневалась в наших знаниях?»

«Вселенная велика. Древняя Власть простиралась далеко».

«Последние недолюди живут на Аэрлите, – настаивал Демие. – Последние недолюди – и святоши. Вы исчезнете, а мы понесем в будущее славное знамя Стези Разума по мирам всех звезд, сияющих в небесах».

«И как вы это сделаете? – хитро поинтересовался Джоаз. – Полетите к звездам, такие же голые, как в пещерах Аэрлита?»

«Средства найдутся. Время бесконечно».

«Для того, чтобы твои мечты осуществились, потребуется много времени. Даже на планетах Коралайна остались люди. Порабощенные, с деформированными телами и умами, но тем не менее люди. Как насчет этих людей? Возникает впечатление, что ты заблуждаешься, что твоими устами на самом деле глаголет только вера».

Демие промолчал. Его лицо, казалось, напряглось.

«Разве это не правда? – спросил Джоаз. – Как эти факты согласуются с твоей верой?»

Демие мягко ответил: «Факты никогда не согласуются с верой. Мы верим, что и эти люди, если они существуют, вымрут. Время бесконечно. О, нас ожидают сияющие миры!»

«Очевидно, – заметил Джоаз, – что вы решили стать союзниками протопластов и надеетесь, что протопласты нас уничтожат. Это может привести к радикальному изменению наших взаимоотношений со святошами. Боюсь, Эрвис Карколо был прав, а я ошибался».

«Мы сохраним пассивность, – сказал Демие; его лицо расплылось и будто покрылось волнующимися цветными пятнами. – Мы станем бесстрастными свидетелями вымирания недолюдей, не помогая и не препятствуя им».

Джоаз разгневался: «Ваша вера, ваша Стезя Разума – как бы вы ее ни называли – вводит вас в заблуждение! Мне придется предупредить тебя в свою очередь: если вы нам не поможете, вы пострадаете не меньше нашего».

«Мы пассивны, мы безразличны».

«Как насчет ваших детей? Для протопластов мы все на одно лицо. Они загонят вас в трюмы так же, как нас. Почему мы обязаны драться в одиночку? Почему мы обязаны вас защищать?»

Лицо Демие поблекло, превращаясь в пятнистый туман, в полупрозрачную завесу; его глаза покраснели, приобрели оттенок гнилого мяса.

«Мы не нуждаемся в защите, – провыл он. – Мы в безопасности».

Демие внезапно схлопнулся, превратившись в сухую чешуйку размером в дохлого комара. Джоаз с невероятной скоростью пролетел сквозь пещеры, вверх по тоннелю в мастер-

скую, через кабинет в спальню. Он выпрямился в постели, широко открыв глаза; у него перехватило дыхание, в рту пересохло.

Открылась дверь, появилась голова Райфа: «Ты меня звал?»

Джоаз приподнялся на локтях, посмотрел вокруг: «Нет, я никого не звал».

Райф удалился. Джоаз снова лег на кушетку, глядя в потолок. Ему приснился странный сон. Сон? Плод воображения? Или настоящий конфликт, настоящий спор двух умов? Окончательный вывод сделать было невозможно – и в конце концов не так уж важно. Происшедшее в любом случае было достаточно убедительно.

Джоаз спустил ноги с кушетки и, моргая, стал смотреть на пол. Сон или спор – какая разница? Джоаз встал, надел сандалии и желтый меховой халат, после чего угрюмо побрел в совещательную палату и вышел на озаренный солнцем балкон.

Прошло уже две трети дня. Западные утесы отбрасывали яркие тени. Справа и слева простиралась долина Банбеков. Никогда еще она не казалась более благополучной, более плодородной – и никогда еще не казалась такой нереальной: словно он прилетел с другой планеты и видел ее впервые. Джоаз взглянул на север, на огромный каменный бастион, круто поднимающийся к Пределу Банбеков. Он тоже казался нереальным – фасад таинственного мира, где жили святоши. Джоаз измерил взором скальный эскарп, накладывая на него воображаемую проекцию огромной пещеры. Утес на северном конце долины, скорее всего, был не более чем тонкой оболочкой!

Джоаз сосредоточил внимание на тренировочном поле, где проворно топтались Джаггеры, выполнявшие оборонительные упражнения. Какие странные капризы природы породили протопластов и Джаггеров, святош и его самого! Он вспомнил об Эрвисе Карколо, и ему пришлось подавить внезапный приступ раздражения. Сейчас Карколо был самым нежелательным фактором, отвлекавшим от решения первоочередных вопросов. Когда Карколо придется окончательно ответить за свои поступки, ему не будет никакого снисхождения!

За спиной послышались легкие шаги, к нему прикоснулся мех, его обняли за плечи шаловливые руки, он почуял аромат фимиама. Напряжение Джоаза разрядилось. Если бы на свете не было девушек-менестрельш, их следовало бы срочно изобрести!

Глубоко под Эскарпом Банбеков, в камерке, освещенной канделябром из дюжины люминесцентных флаконов, молча сидел обнаженный седой старик. На пьедестале, на уровне его глаз, покоился его танд – хитроумное сооружение из золотых стержней и серебряной проволоки, сплетенных и согнутых, казалось, в случайном беспорядке. Случайность этой конструкции, однако, была не более чем видимостью. Каждая кривая символизировала аспект Полного Осознания; тень, отбрасываемая конструкцией на стене, служила олицетворением Стези Разума, вечно меняющейся, вечно неизменной. Этот объект, священный для святош, служил источником откровений.

Изучению танда не было конца; новые прозрения постоянно выявлялись благодаря незамеченному раньше сочетанию углов и кривых. Использовалась изощренная номенклатура анализа танда: каждому его элементу, каждому соединению, каждому изгибу и повороту присваивалось свое наименование; каждый аспект соотношения различных его элементов классифицировался таким же образом. Таков был культ танда: невразумительный, взыскательный, бескомпромиссный. Совершая обряды инициации, молодой святоша мог изучать оригинал танда так долго, как считал необходимым; затем он должен был изготовить дубликат танда, полагаясь исключительно на свою память. После этого наступал важнейший момент его жизни: рассмотрение его танда синодом старейшин. В ужасной тишине, на протяжении многих часов они неподвижно разглядывали его творение, взвешивая мельчайшие вариации пропорций, радиусов, изгибов и углов. Таким образом они оценивали качества новопосвящен-

ного, судили об атрибутах его личности, определяли степень понимания им концепций Полного Осознания, Стези Разума и Основы.

Иногда свидетельство танда обнаруживало характер настолько запятанный, что он считался недопустимым; отвратительный танд бросали в печь, из его расплавленного металла делали нужник, а неудачника, не прошедшего экзамен, изгоняли на поверхность планеты, чтобы он попытался выжить самостоятельно.

Созерцая свой собственный прекрасный танд, обнаженный седой Демие вздохнул и беспокойно пошевелился. Его посетило влияние настолько пламенное, страстное, одновременно жестокое и нежное, что ум его был подавлен. Непрошеной темной струйкой в его мозг просочилось сомнение. «Может ли быть, – спрашивал он себя, – что мы нечаянно отклонились от истинной Стези Разума? Может ли быть, что мы рассматриваем танды глазами слепых? Как это узнать? О, как это узнать! В ортодоксальном мировоззрении все относительно легко и просто, но как можно отрицать, что добро само по себе невозможно отрицать? Абсолютные определения – самые неопределенные из всех возможных, в то время как нет ничего реальнее неопределенностей...»

В тридцати километрах за горами, в бледном продолжительном зареве аэритского вечера Эрвис Карколо составлял свои планы. «Дерзким, жестоким, глубоко проникающим ударом я нанесу ему поражение! Я превосхожу его решительностью, мужеством, стойкостью. Ему не удастся снова меня обмануть, губить моих драконов, убивать моих бойцов! О, Джоаз Банбек, как я тебе отплачу за твое коварство! – Карколо гневно возвел руки к небу. – О, Джоаз Банбек, бледнолицый трус! – Карколо ударил воздух кулаком. – Я раздавлю тебя, как комок сухого мха!» Он нахмурился и погладил округлый багровый подбородок: «Но как? Где? У него в руках все преимущества!»

Карколо оценивал различные возможные стратагемы: «Он ожидает моей атаки, это несомненно. Несомненно, он снова будет ждать в засаде. Поэтому я стану патрулировать каждую пядь, но этого он тоже будет ожидать, опасаясь, что я обрушусь на него сверху. Где он спрячется? За Деспуаром? Или на Северном Пределе, чтобы застигнуть меня врасплох, пока мои войска переходят Сканс? Если так, нужно выбрать другой маршрут – через Слезоточивый перевал и под Гефроном. Тогда, если он растеряется и опоздает, я смогу столкнуться с ним на Пределе Банбеков. А если он отреагирует преждевременно, я стану охотиться на него среди пиков и пропастей...»

VIII

Хлестал холодный рассветный ливень, тропа освещалась только часто сверкающими молниями – Эрвис Карколо, его драконы и бойцы выступили в поход. Когда первые лучи восходящего солнца озарили вершину горы Деспуар, они уже преодолели Слезоточивый перевал.

«Пока что все идет хорошо!» – торжествовал Карколо. Он высоко поднялся в стремених и обозревал Звездопадный Склон. Не было никаких признаков отрядов Банбека. Карколо ждал, всматриваясь ищущими глазами в чернеющий на фоне неба хребет Северного Предела. Прошла минута. Две минуты. Бойцы хлопали в ладоши, стараясь согреться, драконы беспокойно ворчали и роптали.

Нетерпение вызывало у Карколо покалывание где-то в районе солнечного сплетения, он вертелся в седле и ругался. Неужели простейший план не мог осуществиться без сучка без задоринки? Наконец блеснула искра гелиографа на Барханном Пике, другая – к юго-востоку от склонов горы Гефрон. Карколо подал знак, его армия двинулась вперед: спуск по Звездопадному Склону был свободен. Войска Счастливой долины скатывались волной со Слезоточивого перевала: впереди Длиннорогие Убийцы, вооруженные стальными шипами и зубчатыми стальными гребнями, за ними – бурлящая ржаво-красная толпа Термагантов, качавших головами взад и вперед в такт прыжкам; дальше следовали остальные отряды.

Перед ними открылся Звездопадный Склон – волнистое ниспадающее пространство, усеянное кремнистыми осколками метеоритов, блестящими подобно цветам на ковре серо-зеленого мха. Со всех сторон высились величественные пики, увенчанные снегами, слепящими в ясных утренних лучах: Гефрон, Деспуар, Барханный Пик и, далеко на юге, Заворотный Гребень.

Слева и справа сходились лазутчики. Все они говорили одно и то же: нигде не было никаких признаков отрядов Джоаза Банбека. Карколо начинал подумывать о новой возможности. Может быть, Джоаз Банбек вообще не побеспокоился выйти навстречу? Эта мысль одновременно приводила Эрвиса в ярость и доставляла ему огромное наслаждение. Если так, Джоаз дорого заплатит за свою беспечность!

На полпути вниз по Звездопадному Склону им повстречался загон, где толпились две сотни мальков Дьяволов Джоаза Банбека. Загон обслуживали два старика и мальчик; они с явным ужасом наблюдали за приближением орды из Счастливой долины.

Но Карколо проехал мимо и не тронул загон, рассуждая следующим образом: если он победит, это имущество станет частью его добычи, а если понесет поражение, мальки драконов не нанесут ему никакого дополнительного ущерба.

Старики и мальчик стояли на крыше торфяной хижины и смотрели вслед Карколо и его отрядам: бойцам в черных униформах и черных кепках с козырьками и диагональными наушниками; драконам – скачущим, ползущим, прыгающим, бредущим каждый на свой лад, блестя чешуей; матовым багрово-каштановым Термагантам, ядовито-ярким Синюшным Ужасам, черно-зеленым Дьяволам, серым с коричневыми разводами Джаггерам и Убийцам. Эрвис Карколо ехал на правом фланге, Баст Гиввен – в арьергарде. Теперь Карколо торопился, подгоняемый беспокойством в связи с тем, что Джоаз Банбек мог привести своих Дьяволов и Джаггеров вверх на Эскарп Банбеков перед прибытием армии Счастливой долины и отбросить ее назад – допуская, что Джоаз не проспал нападение.

Но Карколо достиг Предела Банбеков, не встретив никакого сопротивления. Он завопил от радости, высоко размахивая кепкой: «Ленивец Банбек! Пусть теперь сам карабкается на Эскарп!» Эрвис Карколо уже разглядывал долину Банбеков глазами победителя.

Баст Гиввен, судя по всему, не разделял торжество Карколо, тревожно поглядывая то на север, то на юг, то назад.

Карколо раздраженно заметил краем глаза поведение главного повелителя драконов и через некоторое время позвал его: «Хо-хо, Гиввен! Что тебя беспокоит?»

«Многое – а может быть ничего», – ответил Баст Гиввен, продолжая оглядываться.

Карколо раздул щеки, впусшив усы. Гиввен продолжал прохладным тоном, приводившим Карколо в бешенство: «По всей видимости, Джоаз Банбек следит за нами – так же, как раньше».

«Почему ты так считаешь?»

«Суди сам. Позволил бы он нам приобрести такое преимущество, не заставив нас заплатить за него дорогой ценой?»

«Чепуха! – пробормотал Карколо. – Он просто успокоился, насытившись предыдущей победой». Но Карколо погладил подбородок и тревожно пригляделся к простирившейся внизу долине Банбеков. Отсюда она казалась странно безлюдной и тихой. На полях и в загонах почему-то никто не работал. В сердце Карколо закрался холодок – потом он воскликнул: «Смотри! В загоне – драконы Банбека!»

Гиввен прищурился, пригляделся, покосился на Карколо: «Всего три Термаганта». Выпрямившись, он потерял всякий интерес к долине, изучая вершины и хребты на севере и на востоке. «Допуская, что Джоаз Банбек выступил до рассвета, поднялся на Предел по Скольким Оползням и прошел по Голубому Склону со всей своей армией...»

«Как насчет Голубой Расщелины?»

«Он обогнул бы Голубую Расщелину с севера, достигнув Барханного Наноса, потихоньку пересек бы Сканы, обогнув Барханный Пик...»

Потрясенный подозрением, теперь Карколо изучал хребет Северного Предела с новым вниманием. Показалось ли ему, что он заметил там какое-то движение, блеск чешуи?

«Отступайте! – взревел Карколо. – К Барханному Пику! Они сзади!»

Ряды испуганной армии расстроились – отряды пустились наутек вверх по Пределу Банбеков, к неприступным скалам Барханного Пика. Как только его стратегия была обнаружена, Джоаз Банбек приказал бригадам Убийц спускаться на перехват, чтобы вступить в схватку с армией Счастливой долины, задержать ее и, по возможности, не позволить ей добраться до скалистых склонов Барханного Пика.

Карколо поспешно прикидывал в уме. Его собственных Убийц он считал своими лучшими драконами и чрезвычайно гордился ими. Поэтому теперь он намеренно медлил, надеясь столкнуться с передовыми отрядами Банбека, быстро уничтожить их и тем самым найти убежище в Барханных расщелинах.

Убийцы Банбека, однако, отказались приближаться и взобрались высоко по склонам Барханного Пика. Карколо выслал вперед Термагантов и Синюшных Ужасов; два строя столкнулись с ужасным рывканьем и клацаньем клыков. Термаганты Банбека бросились навстречу Длинноногим Убийцам Карколо, но те заставили их обратиться в бегство тяжеловесными скачками.

Основную массу отрядов Карколо, возбужденных зрелищем отступающего врага, невозможно было удержать. Они повернули в сторону от Барханного Пика и устремились вниз по Звездопадному Склону. Длинноногие Убийцы догнали Термагантов Банбека, вскочили им на спины, повалили их, визжащих и брыкающихся, вспарывая их беззащитные розовые брюхи.

Тем временем Длинноногие Убийцы Банбека обошли кругом Длинноногих Убийц Карколо и напали на них с фланга, пронзая их рогами со стальными наконечниками, насаживая их на копыя. Каким-то образом они не заметили Синюшных Ужасов Карколо, набросившихся сверху. Ужасы повалили Убийц топорами и булавами, приступив к кровавому развлечению: Синюшный Ужас взбирался на лежащего Убийцу и хватал его за рога, сдирая с него и рога, и шкуру с чешуей от головы до хвоста. Так Джоаз Банбек потерял тридцать Термагантов и около двух дюжин Убийц. Тем не менее атака послужила своему назначению и позволила

рыцарям, Дьяволам и Джаггерам Банбека спуститься с Северного предела прежде, чем Карколо успел скрыться на высотах Барханного Пика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.